ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ФРАНЦИЯ

Статья М. Чистяковой

«Кое-кто из гордых писателей моей родины заявлял, что вы многим обязаны Франции. Они хотели бы видеть в вас питомца французской революции и Стендаля. Я же утверждаю, что Франция сама ваша должница,—вы возбудили в ее многовековом гении новую жизнь»,—писал Октав Мирбо Толстому в особом посвящении, сделанном им для русского издания комедии «Les affaires sont les affaires».

И Мирбо и «гордые» французские писатели, с которыми он полемизирует, правы по-своему; проблема может быть разрешена лишь утверждением факта сложного взаимодействия двух величин. Если художественный гений Толстого, бесспорно, оказал значительное влияние на французскую литературу и на ее творческую мысль (достаточно указать здесь на Ромен Роллана и вспомнить его собственные признания на этот счет), то и общая культура этой страны и ее литературные традиции, несомненно, имели сильное влияние на жизнь и творчество Толстого. Он знал и любил французскую литературу, на протяжении всей своей жизни неустанно следил за ее развитием, к французским научным трудам как к источникам прибегал он, по преимуществу, в своей публицистической деятельности; художники слова и мыслители Франции оказывали глубочайшее воздействие на собственное его творчество. Он знал Францию и по собственному опыту: в молодости, во время двух своих заграничных путешествий, он проживал, главным образом, во Франции—в Париже и в городах провинциальных; у него был обширный круг знакомых французов, по преимуществу из литературного мира, и еще более обширный круг адресатов, лично ему неизвестных, тянувшихся к нему со своими нуждами и сомнениями изо всех уголков Франции.

Крепкие нити, связывавшие Толстого с народом и культурой этой страны, отчетливо им осознавались, и чувство симпатии обычно характеризует его высказывания о Франции и французах. Он ценил «ясность, точность, отчетливость» французской мысли, красоту и тонкую выразительность французского языка. В неопубликованных записках Д. П. Маковицкий[1] приводит высказывания Толстого: «Я нынче вспомнил то хорошее, чем французы отличаются: ясность вопросов и ответов, отчетливость, не подковырнешься» (18 марта 1909 г.). «Хорошо пишут стихи французы и русские» (26 февраля 1906 г.). «Мне французы симпатичны—и язык, и литература, и люди самые» (2 ноября 1909 г.). Учителю французского языка из Тулы г. Сильвестру, посетившему Ясную Поляну в октябре 1909 г., Толстой заявил: «J'aime la France et les français» («Я люблю Францию и французов»). О французском народе в целом Толстой писал в одной из своих педагогических статей по личным наблюдениям: «Французский народ почти такой, каким он сам себя считает: понятливый, умный, общительный, вольнодумный и действительно цивилизованный».

В согласии с обычаями своей среды, Толстой воспитывался в традициях старой французской культуры, воспринятой русским дворянством. Отец его, лично проделавший военную кампанию 1812 г. и побывавший в плену у французов, отличался некоторым специфически дворянским «вольнодумием». На покое он много читал и «собрал библиотеку, состоявшую по тому времени из французских классиков, исторических сочинений и естественно-исторических—Бюффон, Кювье... Жизнь матери проходила вся за занятиями с детьми, в вечерних чтениях вслух романов для бабушки и серьезных чтениях, как «Эмиль» Руссо, для себя и рассуждениях о читанном»[2]. Биограф Толстого Н. Н. Гусев устанавливает, что на ее «воспитательных приемах заметно влияние Руссо»[3]. К маленькому Толстому, когда он достиг школьного возраста, был приставлен француз-гувернер Prosper St.-Thomas, изображенный им впоследствии в «Детстве» под именем St.-Jérome. По свидетельству С. А. Толстой, этот француз-гувернер, кажется, первый из окружающих обратил внимание на исключительные дарования ребенка. «Ce petit a une tête, c'est un petit Molière»*,—говорил он. Детские упражнения Толстого, относящиеся к 40-м годам и дошедшие до нас в фрагментах, представляют собой рассуждения на французском языке «О любви к отечеству», «О настоящем, прошедшем и будущем» и пр. и имеют, повидимому, целью выработку французского литературного стиля. К этим упражнениям непосредственно примыкает его переписка на французском языке с теткой Т. А. Ергольской, начавшаяся с 1844 г. и продолжавшаяся много лет, в которой Толстой не только подражает в отношении стиля французским образцам, но и использует целые куски из французских авторов. Эту «подделку» в письмах Толстого к тетке вскрывает его брат Сергей: «...Кстати, хороши же и ты ей [Ергольской] цедулки пишешь. Я одну из последних как-то видел. Я не говорю, чтобы вовсе не надо было выписывать тирад из m-me de Genlis и ей подобных, но не следует этого употреблять во зло, и хоть ты это делаешь с похвальной целью и сделать удовольствие, но твои дусеры... sont jusqu'à un tel point cousu à la fil blanc**, что смотри, как бы она этого не раскусила... Ты просишь меня прислать тебе I том «Новой Элоизы»; зачем она тебе? Из твоих писем к тетеньке видно, что ты ее помнишь наизусть» (из письма С. Н. Толстого к Л. Н. Толстому от 14 июля 1852 г.). В такой «офранцуженной» атмосфере протекали детство и юношеские годы Толстого.

С переездом семьи в Казань и поступлением 18-летнего Толстого в университет начинается полоса более интенсивной умственной его жизни, лишь косвенно связанная с университетскими занятиями. В 1847 г. профессор Казанского университета Мейер предложил студентам работу на тему сравнения «Наказа» Екатерины II с «Esprit des lois» Монтескье. «Эта работа очень заняла меня,—писал Толстой в замечаниях на «Биографию» П. И. Бирюкова,—открыла мне новую область умственного самостоятельного труда, а университет со своими требованиями не только не содействовал такой работе, но мешал ей». О том же вспоминал он впоследствии, в 1904 г.: «Я помню, меня эта работа увлекла, я уехал в деревню, стал читать Монтескье; это чтение открыло мне бесконечные горизонты; я стал читать Руссо и бросил университет именно потому, что захотел заниматься»[4]. Дневник, который Толстой начал вести именно с того времени, содержит

---

* Этот мальчик с головой, это будущий Мольер.

** До такой степени шиты белыми нитками.

в себе подробный разбор «Наказа» с параллельными ссылками на труд Монтескье, под сильным влиянием которого Толстой, повидимому, находился, высказывая полное сочувствие и предпочтение республиканскому строю перед монархическим. «В деспотическом правлении монарх не может надеяться на верность граждан», записывает Толстой. В другом месте он пишет: «Разве может существовать безопасность граждан под покровительством законов там, где не только решения судейские, но и законы переменяются по произволу самодержца». И дальше: «Она [Екатерина]

Л. Н. ТОЛСТОЙ
С фотографии, снятой за границей в 1860 г.
На обороте помета С. А. Толстой
Всесоюзная библиотека им. Ленина, Москва

постоянно хочет доказать, что хотя монарх неограничен ни чем внешним, он ограничен своей совестью; но ежели монарх признал себя, вопреки всем естественным законам, неограниченным, то уже нет у него совести, и он ограничивает себя тем, чего у него нет».

Изучение Монтескье совпало с усиленным чтением произведений Руссо, первое знакомство с которым относится к более ранней эпохе. «Руссо первый увлек меня,—писал Толстой в одной из редакций „Исповеди“,—я перечитывал его по нескольку раз, и он имел на меня большое влияние». В 1901 г. в беседе с Полем Буайе Толстой вспоминал: «Я прочел всего Руссо, все 20 томов, включая „Музыкальный словарь“, я более чем восхищался им,—я боготворил его. В 15 лет я, вместо креста, носил медальон с его портретом. Многие страницы его так близки мне, что мне кажется, я сам написал их»[5]. В ответе женевскому «Обществу Руссо», написанном

5 марта 1905 г., Толстой говорит: «Руссо был моим учителем с 15-ти лет. В моей жизни было два великих и благотворных влияния: Руссо и евангелие. Руссо не стареется. Совсем недавно мне случилось перечесть некоторые из его произведений, и я испытал то же самое чувство возвышения и удивления, которое я испытал, читая его в первой молодости». Идеи Руссо о воспитании были особенно близки Толстому. В 1892 г., отвечая на вопрос, какие книги по воспитанию он считает лучшими, Толстой писал Е. И. Попову: «„Эмиль“ Руссо непременно должен стоять в главных». Однако, устанавливая факт исключительного впечатления, полученного Толстым от произведений Руссо, впервые пробудивших его критическую мысль, и учитывая приведенные выше позднейшие признания Толстого, следует отметить, что мы имеем налицо, прежде всего, факт тяготения глубоко родственной натуры, открывающей и познающей себя по своему подобию, и не ограничиваться простым признанием воздействия со стороны французского мыслителя. Еще в юности, когда, по свидетельству Толстого, он «боготворил» Руссо, в его высказываниях, наряду с восторгами, просвечивает вполне сознательное и критическое отношение к изучаемому автору. Дневник Толстого начала 50-х годов пестрит пометками о чтении Руссо и характеристиками прочитанного. «Получил книги и начал читать Confessions, которые к несчастью не могу не критиковать» (24 июня 1852 г.). «Прочел Profession de foi du vicaire Savoyard. Она наполнена противоречиями, неясными, отвлеченными местами и необыкновенными красотами» (29 июня 1852 г.). «Читал Profession de foi du vicaire Savoyard и, как и всегда при этом чтении, во мне родилось пропасть дельных и благородных мыслей» (8 июля 1853 г.). К концу 40-х годов относится отрывок «Философические замечания на речи Ж. Ж. Руссо», в котором юноша Толстой робко, но настойчиво, с молодой страстностью полемизирует с французским мыслителем. Впоследствии, в дневнике от 6 июня 1905 г., Толстой сам пробовал разграничить свои идеи от идей Руссо. «Меня сравнивают с Руссо. Я много обязан Руссо и люблю его, но есть большая разница. Разница та, что Руссо отрицает всякую цивилизацию, я же отрицаю лжехристианскую. То, что называют цивилизацией, есть рост человечества. Рост необходим, нельзя про него говорить, хорошо ли это или дурно. Это есть, в нем жизнь,—как рост дерева. Но сук, или силы жизни, растущие в суку, неправы, вредны, если они поглощают всю силу роста. Это с нашей лжецивилизацией».

К юношескому периоду, т. е. к концу 40-х годов, относится, повидимому, и первое знакомство Толстого с сочинениями Лабрюйера. К этому периоду приурочивается написанный им на французском языке отрывок: «Notes sur le second chapitre des caractères de Labruyère». Вольтер, с сочинениями которого Толстой также познакомился с юности, не оказал на него заметного влияния. «Помню еще, что я очень молодым читал Вольтера, и насмешки его не только не возмущали, но очень веселили меня». Этот мыслитель задел внимание Толстого лишь поверхностно, хотя некоторое влияние острой вольтеровской сатиры и сказывается, несомненно, в позднейшей толстовской критике церковной обрядности. В 1909 г. Толстой говорил в кругу друзей: «Уже Вольтер сказал, что много есть на свете глупых людей, но таких, которые бы своего бога ели, кроме нас нет»[6]. В 1910 г., по свидетельству Д. П. Маковицкого, Толстой вспоминал о Вольтере: «Как он хорош! Его прямо убили. Он жил в Ферне. Спальня во Франции, столовая в Швейцарии. Когда ему было 84 года,

его позвали во Францию. Он, несмотря на запрещение, зная, что его репутация такая, что не могут его тронуть, поехал. В Париже овации, в театре все бинокли на него. Он этого волнения не пережил».

Наряду с изучением французских философов и мыслителей, конец 40-х и начало 50-х годов характеризуются для Толстого усиленным, но несколько бессистемным чтением французских историков (Тьер, Мишо), путешественников (Араго) и французской художественной литературы. Он читает Стендаля, Тепфера, Ж. Санд, Ламартина, Бернарден де Сен-Пьера, Альфонса Карра, Эмиля Сувестра, Эжена Сю, Пиго, Дюма-отца, Поль де Кока. Обширными выписками на французском языке заинтересовавших Толстого мыслей из Ламартина, Ж. Санд, Бернарден де Сен-Пьера заняты целые страницы его юношеского дневника, в котором он ставит себе целью «умственное и нравственное совершенствование». Романы Ж. Санд производят, при первом знакомстве, благоприятное впечатление на Толстого. «Прекрасный роман Ж. Санд»,—отзывается он о «Horace». В герое этого романа он находит черты, родственные своему характеру. «Правду сказал брат, что эта личность похожа на меня» (дневник, 4 июля 1851 г.). В дальнейшем, столкнувшись в столичной литературной среде с увлечением идеями Ж. Санд и неприятной ему формой их реализации в жизни, Толстой резко изменил свое мнение о романистке, и в его редких о ней отзывах звучит нескрываемое раздражение: «Читал Consuelo. Что за превратная дичь с фразами науки, философии, искусства и морали—пирог с затхлым тестом и на гнилом масле с трюфелями, стерлядями и ананасами» (дневник, 23 сентября 1865 г.). Позднее, с годами, раздражение улеглось, и отношение его к Ж. Санд несколько смягчилось. В письме к Фету от 2 октября 1870 г. он одобрительно отзывается о повести Ж. Санд «Malgré tout». В 1907 г., по поводу переписки ее с Флобером, Толстой говорил: «Их не уважаю: и Флобера и Жорж Санд, особенно, когда она писала и переживала романы. Но в старости у нее появилось нравственное чувство. Ее письма лучше, чем Флобера»[7]. К Флоберу Толстой относился отрицательно и читал его мало. В письме к Н. Н. Страхову от 20—22 апреля 1877 г. он писал по поводу легенды о Юлиане Милостивом: «Что за мерзость Флобера, перевод Тургенева. Это возмутительная гадость». В незаконченной повести «Четыре эпохи развития» находим отзыв об Альфонсе Карре: «Милый, остроумный французский писатель». О нем вспоминает он и в «Отрочестве» и, позднее, в рассказе «После бала».

Романами Дюма Толстой увлекался с ранней молодости: «Помню, когда мне было 17 лет, я ехал в Казанский университет и купил на дорогу 8 томиков Monte-Cristo. До того было интересно, что я не заметил, как дорога окончилась. Тогда вся большая публика увлекалась этим романистом, а я принадлежал к большой публике. Дюма-отец был очень талантлив, как и сын»[8]. «Что касается Дюма,—говорил Толстой Скайлеру,—каждый романист должен знать его сердцем. Интриги у него чудесные, не говоря об отделке; я могу его читать и перечитывать, но завязки и интриги составляют его главную цель!»[9]. О Поль де Коке тому же собеседнику Толстой говорил: «Нет, не говорите мне ничего о той бессмыслице, что Поль де Кок безнравственен. Он, по английским понятиям, несколько неприличен. Он более или менее то, что французы называют best и gaulois, но никогда не безнравственность. Что бы он ни говорил в своих сочинениях и вопреки его маленьким вольным шуткам, направление его совершенно нравственное. Он французский Диккенс. Характеры его все заимствованы из жизни

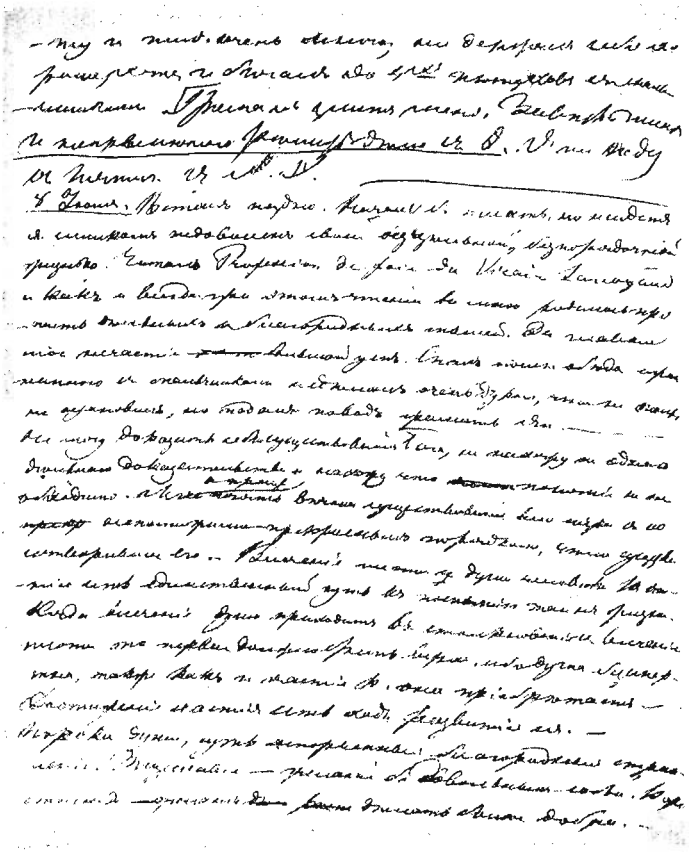
и также совершенны. Во французской литературе я высоко ценю романы Александра Дюма и Поль де Кока».

С 50-х годов начинается собственная творческая деятельность Толстого. И подобно тому как французские мыслители впервые пробудили критическую мысль Толстого, так французские писатели оказали влияние на первые его литературные шаги. В 1852 г. вышло из печати первое произведение Толстого «Детство», о котором впоследствии, в своих «Воспоминаниях», Толстой говорил: «Во время писания этого я был далеко не самостоятелен в формах выражения, а находился под влиянием сильно подействовавших на меня тогда двух писателей: Sterne (его «Sentimental Journey») и Töpfer'a («Bibliothèque de mon oncle»)». Указанное произведение Тёпфера, написанное им в 1832 г., появилось в русском переводе в «Отечественных Записках» только в 1848 г.; возможно, что именно в этом переводе и читал его Толстой, и это произведение, написанное в форме воспоминаний детства, послужило толчком к принятию Толстым той же художественной формы. Наряду с Тёпфером, оказавшим влияние на форму и стиль произведения Толстого, следует отметить и влияние Руссо в экскурсах Толстого в область детской психологии (напр., чувства и мысли, вызванные в маленьком Николеньке первым наказанием, вполне совпадают с подобным эпизодом, рассказанным в «Эмиле» Руссо).

Поступление на военную службу и участие в севастопольской кампании дают творчеству Толстого новое направление. Он берется за батальные сюжеты на основе личных наблюдений, и творческое его восприятие, подготовленное и обостренное художественными образами Стендаля, открывает страшную в своей обыденности, реальную картину войны. «Я больше чем кто-либо, многим обязан Стендалю. Он научил меня понимать войну,—говорил Толстой в 1901 г. Полю Буайе,—кто до него описал войну, такою, какова она есть на самом деле? Брат мой, служивший на Кавказе раньше меня, подтвердил мне правдивость Стендалевских описаний. Он очень любил войну, но не принадлежал к числу тех, кто верит в Аркольский мост. „Все это—прикрасы,—говорил он мне,—а на войне нет прикрас". Вскоре после этого в Крыму мне уже легко было все это видеть собственными глазами. Но, повторяю вам, все, что я знаю о войне, я прежде всего узнал от Стендаля»[10]. Несмотря на двойственность авторского настроения, «Севастопольские рассказы» представляют первую в русской литературе попытку реалистического изображения войны, повторенную и развитую впоследствии в «Войне и мире». В области «батальной живописи» близко соприкоснулись творческие индивидуальности двух художников; в остальном они были глубоко различны, и Толстой впоследствии сам ощущал это различие в форме чувства неудовлетворенности от произведений Стендаля. В письме к С. А. Толстой от 13 ноября 1883 г. он писал: «Читаю Stendhal Rouge et Noire. Лет 40 тому назад я читал это, и ничего не помню, кроме моего отношения к автору, симпатия за смелость, родственность, но неудовлетворенность. И странно: то же самое чувство теперь, но с ясным сознанием, отчего и почему».

Вскоре после выхода в отставку, в феврале 1857 г., Толстой отправляется в первое путешествие за границу и проводит около двух месяцев в Париже. Здесь он вращается, по преимуществу, в русском кружке знакомых и родственников—Трубецких, Мещерских, Хлюстиных. Салон старшей дочери В. И. Хлюстиной Анастасии Семеновны, бывшей замужем за французским писателем и политическим деятелем графом Жозефом Сиркуром, посещали

старые парижские знаменитости: подруга Ж. де Местра, русская католичка Свечина, гр. Полиньяк, Альфред де Виньи, Ламартин. Через Тургенева и отчасти Некрасова, также находившихся в то время в Париже, Толстой знакомился с представителями современной французской литературы и науки: с Мериме, с поэтом и революционером Пьером Дюпоном («красный и славная натура»), с писателем-путешественником К. Мармье, с ученым-латинистом Ипполитом Риго, с профессором философии Гарнье, с крити-



СТРАНИЦА ДНЕВНИКА Л. Н. ТОЛСТОГО С ЗАПИСЬЮ ОТ 8 ИЮЛЯ 1853 г. ОБ „ИСПОВЕДАНИИ ВЕРЫ САВОЙСКОГО ВИКАРИЯ" РУССО

Всесоюзная библиотека им. Ленина, Москва

ком Ломени и с многими другими писателями, учеными и журналистами. В Сорбонне и Collège de France он слушает лекции: Низара—по римской истории («Мелко. Остроумие о Плинии»), Сен-Марка Жирардена—по истории драматической поэзии, Бодрильера—по политической экономии («Точно и просто»), А. Франка—по естественному и международному праву («Замечательный ум и добросовестность, но непонятная религиозность»). В то же время Толстой усердно посещает театры, смотрит комедии Мольера, Расина, Бомарше, Мариво, Мельвиля, Гранже, Барьера. Мольер, которого он усиленно читал перед отъездом за границу, приводит его в восторг: «Précieuses ridicules и Avare—отлично» (23 февраля 1857 г.). «Le malade imaginaire сыгран прелестно» (24 февраля). Комедия Мариво «Les fausses

confidences» — «прелесть элегантности»; одноактные и двухактные пьесы Гранже — «прелесть». Расин, как и вообще вся классическая французская драматургия, оставляет Толстого холодным. «Plaideur — дрянь», — записывает он 20 марта, а несколько позже, 4 апреля, заносит в дневник: «Драма Расина — поэтическая рана Европы, слава богу, что ее нет и не будет у нас».

Светская жизнь и литературные круги не удовлетворяли Толстого. Обед с академиками — «мелко, пошло, глупо», вечер у Риго — «пошло», — записывает он в дневнике. Его интересует французский народ в массе, он хочет поближе с ним познакомиться, приглядывается и прислушивается к нему на улицах огромного города, в кафе, в народных клубах, где произносят речи, декламируют и распевают песенки Беранже и Дюпона. «Когда я был в Париже, — рассказывал Толстой Скайлеру, — я обыкновенно проводил половину дней в омнибусах, забавляясь просто наблюдением народа; и могу вас уверить, что каждого из пассажиров находил в одном из романов Поль де Кока»[11]. В письме к тетке Т. А. Ергольской от 11 апреля 1857 г. он писал: «Я так приятно провел в Париже полтора месяца, что каждый день говорил себе, как я был прав, что поехал за границу. Я мало бывал в свете — обществе и в литературном мире, редко посещал кафе и публичные балы, но несмотря на это я видел здесь столько новых и интересных для меня вещей, что каждый вечер, ложась спать, я говорил себе: как жаль, что день прошел так скоро». В письме к В. П. Боткину от 5—6 апреля Толстой писал: «Я живу все в Париже вот скоро 2 месяца и не предвижу того времени, когда этот город потеряет для меня интерес и эта жизнь свою прелесть. Я круглая невежда; нигде я не почувствовал этого так сильно, как здесь... Наслажденья искусством, Лувр, Versailles, консерватория, квартеты, театры, лекции в Collège de France и Сорбон, а главное социальной свободой, о которой я в России не имел даже понятия...». Отложив окончание письма В. П. Боткину до другого дня, Толстой утром 6 апреля присутствует на казни гильотинированием преступника-убийцы Рише. Это зрелище производит на него потрясающее впечатление; он описывает его Боткину и заканчивает свое письмо уже в иных, минорных тонах: «Много бы еще хотел вам рассказать про то, что я здесь вижу, как например за заставой клуб народных стихотворцев, в котором я бываю по воскресеньям. Правду писал Тургенев, что поэзии в этом народе il n'y a pas. Есть одна поэзия — политическая, а она и всегда была мне противна, а теперь особенно. Вообще жизнь французская и народ мне нравятся, но человека ни из общества, ни из народа, ни одного не встретил путного». На второй же день Толстой покидает Париж и уезжает в Швейцарию, где останавливается в Кларане, «в том самом местечке, где жила Юлия Руссо», как сообщает он Т. А. Ергольской в письме от 18 мая. Это упоминание не случайно. Ужас, внушенный ему зрелищем казни, с новой силой поставил перед ним вопрос о ложном пути европейской цивилизации, и мысль его снова обратилась к Руссо. Он переживает тревожное и смутное настроение, весь еще в отголосках парижской жизни. «Нет, нет да и грустно, все куда-то тянет, чего-то хочется, — пишет он В. П. Боткину из Кларана. — Как песенка Беранже есть Le bonheur — „Le vois tu bien là-bas, là-bas“». Из парижских народных клубов вывез Толстой увлечение поэзией Беранже и сохранил его на всю жизнь. Он много знал на память его стихотворений и любил их декламировать даже в годы старости. В 1909 г. он признавался, что любит Беранже «за даровитость»; «ничего безнрав-

ственного у него нет, склад народный, благородный, нравственный и бодрый»[12].

В Швейцарии Толстой продолжает знакомство с произведениями Бальзака, начатое в Париже. Большого впечатления они не производят на него, и отзывы его о Бальзаке разноречивы. Роман «Le lis dans la vallée» он называет в дневнике «нелепым», «чушью»; предисловие к «Comédie Humaine»—«мелко и самонадеянно». В дневнике от 8 апреля 1857 г., по поводу романа «Grandeur et décadence de César Birotteau», он с иронией отмечает: «У Бальзака женщина в отчаянии говорит „je travaillerai“ *— и все приходят в ужас». В то же время роман «Honorine» приводит его в восхищение: «Читал Honorine, талант огромный»,—записывает он в дневнике 27 февраля. «Cousine Bette» читает с увлечением, не делая никаких оценок романа (в дневнике от 10 апреля запись: «Целый день читал «Cousine Bette»). 13 апреля Толстой записывает общее наблюдение, сделанное им в связи с прочитанными романами: «У Бальзака в образах возможность, а не необходимость поэтическая». Наряду с Бальзаком, он читает некоторые вещи Дюма-сына и проводит между двумя романистами любопытную параллель: «Читал Dame aux perles. Талант, но грунт, на котором он работает, ужасен; деправация Бальзака цветочки перед этим» (дневник, 20 апреля 1857 г.). Позднее Толстой возвращается к чтению произведений Дюма-сына и, ближе ознакомившись с его мировоззрением, восхищается его моральной высотой.

Еще до отъезда за границу, под влиянием чтения Мольера, Толстой задумал написать пьесу. «Прочел Bourgeois Gentil'homme и много думал о комедии из Оленькиной жизни[13]. В двух действиях. Кажется, может быть порядочно» (дневник, 11 октября 1856 г.). В записи от 12 января 1857 г. он снова возвращается к мыслям о пьесе, в которой должны фигурировать «практический человек, жорж-зандовская женщина и Гамлет нашего века». Парижские театры с их постановками пьес Мольера, Мариво и Гранже явились новыми возбудителями драматургических замыслов Толстого. Ряд пьес, относящихся к концу 50-х годов и оставшихся незаконченными («Дворянское семейство», «Практический человек», «Дядюшкино благословенье», «Свободная любовь», «Зараженное семейство»), носит следы влияния названных французских драматургов.

По возвращении в Россию Толстой уединяется в Ясной Поляне, открывает там собственную школу и с головой уходит в педагогическую деятельность, к которой имел тяготение еще с эпохи увлечения Руссо. Он перечитывает специальную по этому предмету литературу, и внимание его останавливается на Монтене. «Montaigne первый ясно выразил мысль о свободе воспитания. В воспитании опять, главное—равенство и свобода»,— записывает он в дневнике 5 августа 1860 г.

Новая поездка в 1860 г. за границу вызвана была тяжелой болезнью брата Николая[14]. Некоторое время Толстой живет с больным в Южной Франции, в Гиэре. Оттуда, после смерти брата, он едет на короткое время в Париж, посещает Марсель, потом едет в Италию, Англию, Бельгию, Германию. Подавленный смертью брата, Толстой не ведет за это время дневника, мало пишет писем, и потому о втором его заграничном путешествии известно лишь из косвенных источников. Так, сестра Толстого М. Н. Толстая сообщает маленький, но характерный факт: во время пре-

* Я буду работать.

бывания в Гиэре Толстой явился на великосветский вечер в деревянных сабо, какие носят французские крестьяне, чем произвел настоящее смятение в собравшемся обществе[15]. Из некоторых сохранившихся от того времени документов и позднейших высказываний Толстого мы знаем, что второе заграничное путешествие проходило под знаком исключительного его интереса к постановке педагогического дела в Европе. Через своих парижских друзей (гр. Сиркур) Толстой получил официальное разрешение из министерства народного просвещения на осмотр учебных заведений в Париже и провинции. В статье «О народном образовании» (1861) Толстой рассказывает об отрицательном впечатлении, полученном им от знакомства с учебными заведениями Марселя, обучение в которых, по мнению Толстого, отличалось механическим характером и основано было на принуждении. «Год тому назад я был в Марселе и посетил все учебные заведения для рабочего народа этого города... Видел я после светской школы ежедневные поучения в церквах, видел salles d'asile*, в которых четырехлетние дети по свистку, как солдаты, делают эволюции вокруг лавок, по команде поднимают и складывают руки и дрожащими и странными голосами поют хвалебные гимны богу и своим благодетелям, и убедился, что учебные заведения города Марселя чрезвычайно плохи. Ежели бы кто-нибудь каким-нибудь чудом видел все эти заведения, не видав народа на улицах, в мастерских, кафе, в домашней жизни, то какое бы мнение он себе составил о народе, воспитываемом таким образом? Он, верно, подумал бы, что это народ невежественный, грубый, лицемерный, исполненный предрассудков и почти дикий». Но это не так. «Посмотрите на городского работника лет тридцати: он уже напишет письмо не с такими ошибками, как в школе, иногда совершенно правильное; он имеет понятие о политике, следовательно, о новейшей истории и географии; он знает уже несколько историю из романов; он имеет несколько сведений из естественных наук; он очень часто рисует и прилагает математические формулы к своему ремеслу. Где же он приобрел все это?». В другом месте Толстой кратко отвечает на свой вопрос: «школы не в школах, а в журналах и в кафе».

В Брюсселе Толстой посетил Прудона, который, по свидетельству биографа Толстого П. И. Бирюкова, приводящего подлинные слова Толстого, оставил в нем впечатление «сильного человека, у которого есть „le courage de son opinion"»**[16]. Через несколько лет после свидания с Прудоном, 18 августа 1865 г., Толстой записал в своей записной книжке: «Всемирно-историческая задача России состоит в том, чтобы внести в мир идею общественного устройства земельной собственности. „La propriété—c'est le vol"*** останется больше истиной, чем истина английской конституции до тех пор, пока будет существовать род людской. Это истина абсолютная». В дальнейшем, в ряде своих публицистических статей, Толстой не раз возвращается к принципам прудоновского анархизма, а в последний год жизни, в 1910 г., в очерке «Сон», написанном в художественной форме, изображая спор по вопросу о земельной собственности в великосветской столовой, он вкладывает в уста своего героя прудоновские мысли с основным принципом «La propriété—c'est le vol».

---

* Приюты.
** Мужество собственного мнения.
*** Собственность есть кража.

Середина 60-х годов характеризуется усиленной работой над романом «Война и мир». Французскими источниками для романа служили: Dumas A. «Napoléon», Lanfrey P. «Histoire de Napoléon I-er», Marmont, maréchal, duc de Raguse «Mémoires», De Méneval «Napoléon et Marie-Louise», Thiers «Histoire de l'empire», Erckman-Chatrian «Le conscrit de 1813». К этим источникам К. В. Покровский присоединяет: De Beausset «Mémoires anecdotiques sur l'intérieur du Palais», Chambray «Histoire de l'expédition en Russie», Labaume «Rélation complète de la campagne de Russie», Rapp «Mémoires», Ségur «Histoire de Napoléon et de la grande armée»[17]. К этому списку необходимо добавить: Las-Cases «Le Mémorial de Sainte-Hélène» и J. de Maistre «Correspondance diplomatique» и «Soirées de St.-Pétersbourg». Всеми этими печатными материалами, наряду с многочисленными русскими источниками, Толстой пользовался, по преимуществу, для составления исторической канвы для своего романа, и лишь некоторые из них оказали на него идеологическое влияние. Устанавливая влияния такого рода, необходимо отметить одну своеобразную особенность творческой личности Толстого, о которой он писал П. И. Бирюкову в ответ на запрос о его отношении к освободительным реформам 1861 г.: «Должен сказать (и это моя хорошая или дурная черта, но всегда мне бывшая свойственной), что я всегда противился невольно влияниям извне, эпидемическим. Я теперь знаю в себе то же чувство отпора против всеобщего увлечения, которое было и тогда, но проявлялось в робких формах»[18]. И потому, используя тот или иной источник, особенно авторитетный и общепризнанный, Толстой часто, на основании тех же фактов, приходит к выводам и заключениям иногда парадоксальным и диаметрально противоположным выводам автора; он как бы отталкивается идеологически от своего источника. Это своеобразное явление с особенной отчетливостью наблюдается в его отношении к историческим трудам Тьера. В изо-

COMTE LÉON TOLSTOÏ

LA GUERRE ET LA PAIX

ROMAN HISTORIQUE

TRADUIT AVEC L'AUTORISATION DE L'AUTEUR

PAR

UNE RUSSE.

TOME PREMIER.

AVANT TILSITT

1805—1807.

PARIS
LIBRAIRIE HACHETTE ET Cie
79, BOULEVARD SAINT-GERMAIN, 79.

1879

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ „ВОЙНЫ И МИРА" НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ, В ПЕРЕВОДЕ П. П. ПАСКЕВИЧ, 1879 г.

бражении исторических фактов Толстой следует за изложением Тьера в его «Истории империи» (том XIV, «Moscou»), используя не только куски из своего источника дословно, но и включая в роман целые эпизоды по Тьеру. Объявление войны и ближайшие к этому события (бал на загородной даче Бенигсена, поспешное отступление русских из Вильно, характеристика лиц, окружавших Александра I, борьба между Барклаем и Багратионом, Пфулем и Паулуччи и пр.) и дальше — Смоленск, Москва, отступление французов, бои под Тарутиным и Малым-Ярославцем, борьба между Кутузовым и Бенигсеном,—в изложении всех этих событий сквозь набросанную живую художественную ткань легко прощупывается костяк фактического изложения Тьера. Главы IV, V, VI и VII первой части третьего тома «Войны и мира», в которых изображается поездка Балашева во французскую армию после объявления войны со специальными заданиями от Александра I, представление его маршалам Мюрату и Даву, свидание с Наполеоном, их беседа, затем обед, куда был приглашен Балашев, которого Наполеон «traita avec bienveillance, mais avec une familiarité souvent blessante»*, по выражению Тьера, удачные ответы Балашева за столом о пути через Полтаву и пр.,—вся эта глава часто буквально повторяет фактическое изложение Тьера, причем речи Наполеона даются в дословном переводе с французского. Другой эпизод—разговор казака из корпуса Платова (у Толстого — Лаврушка) с Наполеоном — также заимствован у Тьера, которому передал содержание этого разговора лично переводчик г. Lelorgne d'Ideville и за достоверность которого Тьер ручается в соответствующей сноске. Точно так же и многочисленные эпизоды из военной кампании 1805 г. заимствованы Толстым у французского историка. Вместе с тем, идеологическая установка Тьера, с его преклонением перед военным гением Наполеона, с верой в военную науку и ее точные планы и диспозиции, презрительное отношение к русским и, в частности, к Кутузову, торжество которого Тьер объясняет только его лживостью и коварством, наконец, самоуверенный тон исследователя оттолкнули Толстого и возбудили в нем ход мыслей и эмоций противоположного характера. Целые страницы романа Толстого, занятые полемикой с «историками», направлены исключительно против Тьера и его идеологии.

Такое же отрицательное в идейном отношении влияние на Толстого имела книга Ласказа «Mémorial de Sainte-Hélène». Граф Ласказ, белый эмигрант в эпоху революции 1789 г., возвратившийся на родину в эпоху консульства, настолько скомпрометировал себя близостью к Наполеону, что после падения империи и возвращения к власти Бурбонов принужден был снова покинуть Францию и в качестве секретаря Наполеона отправиться с ним на остров св. Елены. Здесь он и писал свой «Мемориал», проникнутый таким преклонением перед личностью Наполеона, которое часто переходит в подобострастный тон, охарактеризованный Толстым кратко на полях книги «profession de foi лакейства».

Два тома «Мемориала», находящиеся в яснополянской библиотеке, испещрены пометками Толстого, подчеркиваниями, нотабене, записями на полях[19]. К главе X первого тома, против абзаца, в котором передается рассказ Наполеона о том, как он, возвратившись с острова Эльбы во Францию, захватил в Тюильрийском дворце, после бежавшего Людовика XVIII,

* Обращался благосклонно, но с фамильярностью, часто оскорбительной.

СЦЕНА ИЗ ТРАГЕДИИ ТОМА КОРНЕЛЯ „ГРАФ ЭССЕКС"
Картина маслом Никола Ланкре, 1734 г.
Эрмитаж, Ленинград

вместе с государственными бумагами и частные его письма, которые «были написаны красивым почерком, умны, но слишком отвлеченны и метафизичны» — на полях помета Толстого: «наивность Гоголевского почтмейстера». К отрывку, озаглавленному «О генералах итальянской армии», содержащему характеристики генералов и описание их блестящих побед, по воспоминаниям Наполеона, имеется запись на полях: «шахматная Франция разбитого игрока». По поводу рассказа о походе в Египет Толстой отмечает: «подделывает факты прошедшего под свою мысль» и дальше «гордость»; «его погибель есть необычайное явление». В главе XIV подчеркнут весь абзац, в котором рассказывается о том, как смешили Наполеона многочисленные карикатуры на него в иллюстрированных журналах, получавшихся им в изгнании; на полях—знак восклицательный и запись: «умен и силен». К другим местам книги на полях имеются следующие пометы: «умен так, что искренно лжет и обманывает, ибо в свою пользу», «вера в свое сверхестественное превосходство заставляет смиряться», «бедный—скука», «не может думать—действует», «сердится за титул», «украл колье». Из этих помет видно, как воспринимал Толстой факты, изложенные Ласказом, и как постепенно складывался у него образ Наполеона. Результат этой работы мысли зафиксирован Толстым в дневнике (19 марта 1865 г.): «Наполеон как человек—путается и готов отречься 18 брюмера перед собранием... Вся египетская экспедиция—французское тщеславное злодейство. Ложь всех bulletins сознательная. Пресбургский мир—escamoté*. На Аркольском мосту упал в лужу, вместо знамя. Плохой ездок. В итальянской войне увозит картины, статуи. Любит ездить по полю битвы. Трупы и раненые—радость. Брак с Жозефиной—успех в свете. Три раза поправлял реляцию сражения Риволи—все лгал. Еще человек, первое время сильный своей односторонностью, потом нерешителен—чтоб было! как? Вы, простые люди, а я вижу в небесах свою звезду. Он не интересен, а толпы, окружающие его и на которые он действует. Сначала односторонность и beau jeu** в сравнении с Маратами и Барасами, потом ощупью самонадеянность и счастье и потом сумасшествие—faire entrer dans son lit la fille des Césars***. Полное сумасшествие, расслабление и ничтожество на св. Елене. Ложь и величие потому только, что велик объем, а мало стало поприще и стало ничтожество и позорная смерть». Из «Мемориала» Ласказа Толстой, однако, заимствует многочисленные детали для характеристики Наполеона—некоторые черты его внешности, особенности характера и физического организма, привычки, отдельные выражения, которые сообщают живой колорит данному им в романе образу императора. Выработке отрицательного взгляда на Наполеона, повидимому, содействовали и «Мемуары» маршала Мармона, имеющие «разоблачающий» характер, использованные Толстым, однако, в незначительной степени. Взгляд на Наполеона не изменился у Толстого до конца жизни. В 1890 г. он писал А. И. Эртелю[20]: «Ничего вам не могу сказать про Наполеона. Да, я не изменил своего взгляда и даже скажу, что очень дорожу им. Светлых сторон не найдете, нельзя найти, пока не исчерпаются все темные, страшные, которые представляет это лицо. Самый драгоценный материал, это—Mémorial de St.-Hélène. И записки доктора о нем[21]: как ни раздувают

---

* Мошенничество.
** Удача.
*** Привести на свое ложе дочь цезаря.

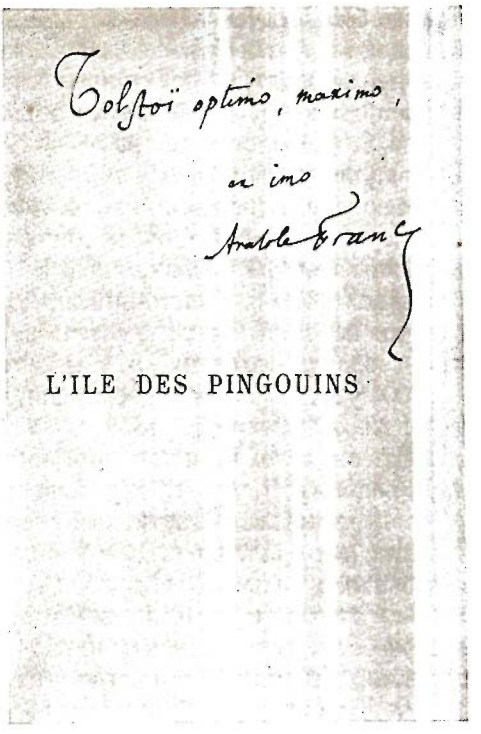
они его величия—жалкая толстая фигура с брюхом, в шляпе, шляющаяся по острову и живущая только воспоминаниями своего бывшего quasi-величия, поразительно жалка и гадка. Меня страшно волновало всегда это чтение, и я очень жалею, что не пришлось коснуться этого периода жизни». Д. П. Маковицкий в своих «Записках» 16 июля 1909 г. отмечает, что Толстой, просматривая книгу К. А. Военского «Акты, документы и материалы для истории 1812 года», сказал: «Какой жулик был Наполеон: маленького роста, не француз, корсиканец»,—как бы желая этими словами снять с симпатичного ему народа ответственность за отрицательную, по его мнению, историческую фигуру.

Особое место в ряде влияний на роман Толстого занимает Ж. де Местр, с сочинениями которого Толстой, повидимому, был знаком с юности и отдельные мысли которого он часто цитирует в своих дневниках и письмах на протяжении многих лет. В эпоху создания «Войны и мира» он записывает в дневнике: «Читал Maistre: Мысли о свободной отдаче власти» (1 ноября 1865 г.); в письме к П. Бартеневу от 7 декабря 1866 г. он просит: «Пришлите, пожалуйста, архив Местра». В яснополянской библиотеке имеется «Correspondance diplomatique» Местра, с очень скупыми пометами Толстого. Из этой книги Толстой заимствовал некоторые характерные факты и события придворной и салонной жизни Петербурга, ходившие тогда анекдоты, меткие словечки и пр. Эпизод романа о переходе в католичество Элен также навеян уже практической деятельностью Местра, который, в тесной связи с петербургской группой иезуитов, успешно обращал в католичество своих поклонниц, светских дам (Свечину, Ростопчину, Чичагову). Более серьезное влияние на Толстого оказала, однако, другая книга Местра—«Soirées de St.-Pétersbourg», написанная в форме бесед на различные темы между тремя лицами: графом (автор), русским сановником и молодым французским эмигрантом, состоящим на русской военной службе. «Седьмая беседа» в книге посвящена войне. Общий взгляд Местра на войну, на роль полководцев и солдатской массы в известной мере совпадает с взглядами автора «Войны и мира», особенно в ее философской части. Исходя из общих принципов своего мировоззрения, Местр, как и Толстой в своем романе, утверждает «иллюзорность» так называемых гениев, высмеивает военные диспозиции, реляции о победах и поражениях («проигранная битва это та, которую считают проигранной»), издевается над такими выражениями, как «отрезать» армию и т. д.[22].

Из влияний художественного порядка следует отметить влияние Стендаля, с его «батальным» реализмом, и Виктора Гюго. Это последнее влияние сказывается в попытках Толстого изобразить, подобно Гюго, коллективную психологию, психологию широких масс в действии и движении[23].

Самое заглавие романа «Война и мир» было, повидимому, подсказано Толстому появившимся в 1864 г. в русском переводе сочинением Прудона «La guerre et la paix, recherches sur le principe et la constitution du droit des gens». Толстой колебался в выборе заглавия для своего романа; первую его часть он назвал «1805 год»; затем мелькнул неудачный заголовок «Все хорошо, что хорошо кончается», и, наконец, твердо устанавливается заголовок «Война и мир», как бы подсказанный извне. Однако, дальнейших аналогий между названным трудом Прудона и романом Толстого установить невозможно.

В годы создания «Войны и мира» Толстой читает Мериме («Chronique de Charles IX») и сочинения В. Гюго, который с тех пор и на всю жизнь



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ АНАТОЛЯ ФРАНСА НА КНИГЕ „L'ÎLE DES PINGOUINS", ПРИСЛАННОЙ Л. Н. ТОЛСТОМУ

Библиотека Толстого в Ясной Поляне

делается его любимейшим писателем. В письме к М. М. Ледерле, отвечая на вопрос, какие книги в 60—70-х годах произвели на него наиболее сильное впечатление, Толстой указывает, что «Misérables» Гюго произвели впечатление «огромное» (высшая и единственная за этот период отметка). Главу из этого романа («Епископ Мириэль») Толстой тогда же переработал и включил, под заглавием «Архиерей и разбойник», в свою «Азбуку», в отдел статей для детского чтения. 10—20 мая 1866 г. Толстой пишет Фету[24]: «Знаете, что о Victor Hugo никто не говорит, и все его забыли,—именно оттого, что он всегда и у всех останется, не так как Байроны и Вальтер Скотты. Читали ли вы в его полных сочинениях его критические статьи? Все, что у нас об искусстве лет 10 тому назад, да и теперь пожалуй пересуживается à tort et à travers*, 30 лет тому назад высказано им, да так, что нельзя слова прибавить и слова выкинуть». Чтение статей Гюго по вопросам искусства, повидимому, явилось первым толчком к зарождению у Толстого замысла о специальном труде на ту же тему. Одновременно с указанными авторами Толстой перечитывает Мольера. «Левочка взял пресмешные комедии Мольера,—писала С. А. Толстая своей сестре Т. А. Берс 29 октября 1864 г.,—и читал нам вслух. Мы ужасно смеялись, комедии уморительные, и Лева читал отлично». И. Л. Толстой в своих «Воспоминаниях» рассказывает, что несколько позднее, в 70-х годах, Толстой часто читал детям вслух романы Жюль-Верна; все они были иллюстрированы, кроме одного — «Путешествие вокруг света в 80 дней», и этот роман Толстой сам принялся иллюстрировать для детей. «Каждый день он приготовлял к вечеру подходящие рисунки пером, и они были настолько интересны, что нравились нам

* Вкривь и вкось.

гораздо больше, чем те иллюстрации, которые были в остальных книгах»[25]. В то время, т. е. в первое десятилетие семейной жизни, Толстой непосредственно занимался воспитанием своих детей; в конце 70-х годов он усиленно подыскивает для них гувернера-француза. «Вдруг на праздниках,— писала С. А. Толстая сестре своей Т. А. Кузминской 23 января 1878 г.,— мы получили письмо от жены женевского священника русского, которого мы осенью еще просили найти гувернера, что гувернер есть в Москве, швейцарец, лет 35-ти, очень хороший, m-r Nieff». Далее она рассказывает, как Толстой познакомился с Ньефом в Москве и договорился с ним. 7 февраля 1878 г. Толстой писал брату С. Н. Толстому: «У нас все благополучно и с маленьким. Учитель новый, но не Gérard. Он сам отказался, да и говорят, что плох, а у нас теперь Nieff. Швейцарец из Франции, за 1000 руб. и до сих пор, две недели, мы очень им довольны». Ньеф прожил у Толстых с 25 января 1878 г. по октябрь 1879 г., оставив благоприятное впечатление в семье, и только в настоящее время исследователями биографии Толстого точно и детально установлено, что под именем Ньефа в Москве скрывался активный участник Парижской коммуны, Montels, капитан 73-го батальона Национальной гвардии, а затем начальник 12-го легиона Коммуны. После взятия Парижа версальцами он скрылся в Швейцарию, а оттуда переехал в Москву, занимаясь педагогической деятельностью под вымышленным именем Ньефа. Осенью 1879 г., после объявления частичной амнистии, он возвратился во Францию, оставив Ясную Поляну и гувернерство в семье Толстых. Воспоминания Montels напечатаны в книге Maxime Vuillaume, «Mes cahiers rouges»[26].

В начале 70-х годов Толстой мечтает о новом большом произведении в драматической форме, о чем сообщает в письмах к А. А. Фету весной 1870 г. Он перечитывает Мольера, греческих трагиков во французском переводе Кузена. Однако, он вскоре оставляет мысль о драме и приступает к созданию романа из современной жизни—«Анны Карениной».

Проблема брака и супружеской верности, лежащая в основе романа, обдумывалась Толстым в самый разгар литературной полемики, завязавшейся в Париже вокруг той же темы в связи с нашумевшим процессом Dubourg'a, обвинявшемся в убийстве на почве ревности жены. Полемика открыта была редактором «Le Soir», поместившим открытое письмо Henri d'Ideville'я, на которое отвечал А. Дюма-сын; далее следовало выступление Эмиля Жирардена и др. парижских литераторов. Эта полемика, повидимому, живо интересовала Толстого. В письме к Т. А. Кузминской от 1 марта 1873 г. он пишет по поводу полемической брошюры А. Дюма «L'homme-femme» (Réponse à M. Henri d'Ideville): «Прочла ли ты L'homme-femme? Меня поразила эта книга. Нельзя ждать от француза такой высоты понимания брака и вообще отношения мужчин к женщине». А. Дюма развивает традиционно-христианскую точку зрения, рассматривая брак как «треугольник», составленный из бога, мужчины и женщины, причем женщина как «помощница» мужа, занимает низшее положение в браке. Ее измена мужу является результатом любопытства и испорченности; средствами борьбы с этими пороками со стороны мужа является нравственное воздействие, терпение и проявление любви. В тех случаях, когда эти средства оказываются недействительными, Дюма считает допустимым женоубийство. Разделяя в общем взгляды Дюма, Толстой отвергал его окончательный вывод, предоставляя кару вершине «треугольника»—богу («мне отмщение, и аз воздам»). Французская полемика отра-

зилась и на страницах черновых рукописей романа. В одном из ранних черновиков IX главы IV части, в котором изображается обед у Алабиных (в позднейших рукописях—Облонских) и спор по поводу женского образования, читаем: «Вдруг разговор перешел в конце обеда на последнюю французскую полемику между Dumas и E. Girardin [?] о l'homme-femme. Разговор при дамах велся так, как он ведется в хорошем обществе, т. е. искусно обходя все слишком сырое, и разговор занял всех сильно, несмотря на то, что Долли, поняв всю тяжесть этого разговора для Алексея Александровича, хотела замять его. Студент и Ровский [впоследствии—Левин] стали спорить... Студент, разумеется, защищал права женщин, Ровский развивал и подкреплял мысль Дюма. Он говорил, что ее надо убить. И это мнение так шло к его атлетической фигуре, черным глазам и зловещему их блеску, что невольно верилось, что он говорил то, что думал».

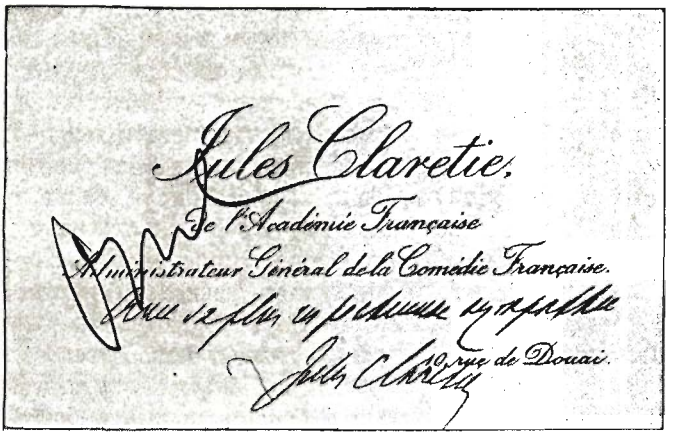
По окончании романа и выходе его в свет, с новой силой пробудился в Толстом интерес к вопросам философским и религиозным. В конце 70-х годов и в 80-е годы он усиленно занимается чтением философов и моралистов, и среди них одно из первых мест по силе произведенного на Толстого впечатления занимает Паскаль. «Читали ли вы жизнь Паскаля—Blaise Pascal, его Pensées?—писал он А. А. Толстой в марте 1876 г.,—какая чудесная книга и его жизнь. Я не знаю лучше жития». В письме к А. А. Фету в апреле 1877 г. Толстой спрашивает, читал ли Фет Паскаля «недавно, на большую голову», и обещает дать ему при свидании книгу Паскаля. В письмах к П. И. Бирюкову от 3 октября 1887 г. и к Н. Н. Страхову от 14 октября того же года Толстой, давая высокую оценку Гоголю, называет его «наш Паскаль». «У Паскаля в его „мыслях" рядом со слабыми попадаются мысли удивительной глубины и силы,—говорил Толстой А. Б. Гольденвейзеру уже в 1910 г.,—он принадлежал к ордену янсенистов, постоянно полемизировал с иезуитами и, благодаря ему, название „иезуит" стало нарицательным в смысле лицемера»[27]. Паскаль и другие старые французские моралисты — Монтень, Амиэль, Лабрюйер, Ламене, Вовенарг, Ларошфуко — отвечали внутренним, религиозным исканиям Толстого 80-х годов и с тех пор твердо вошли в круг его постоянного внимания. В дальнейшей своей жизни Толстой постоянно обращается к перечитыванию их сочинений; в своих публицистических статьях, письмах и дневниках он постоянно ссылается на них, цитирует отдельные их мысли. В 1893 г. он пишет предисловие к «Дневнику» Амиэля; в 1907 г. переводит и составляет (совместно с Г. А. Русановым) сборник избранных мыслей Лабрюйера, Ларошфуко, Вовенарга и Монтескье и пишет для него предисловие; в состав его сборников—«Круг чтения», «На каждый день» и «Путь жизни»—в большом количестве вошли афоризмы из произведений названных мыслителей. Эти мыслители во главе с Паскалем, несомненно, оказали большое влияние на окончательную выработку религиозных взглядов Толстого. Наряду с этими влияниями можно отметить и некоторое влияние философии Декарта[28]. Современные французские мыслители не удовлетворяли Толстого. К Ренану он относился отрицательно. В 1887 г. он писал Н. Н. Страхову[29]: «Могу объяснить ваше пристрастие к Ренану только тем, что вы были очень молоды, когда читали его... Новая у Ренана мысль это та, что если есть учение Христа, то был какой-нибудь человек, если есть золото, то был песок, и он старается найти, какой был

песок... Я прочел все и долго искал, спрашивал себя—«Ну, что же из этих исторических подробностей я узнал нового?» И вспомните и признайтесь, что ничего, ровно ничего». Однако, через четыре года в письме к тому же Н. Н. Страхову Толстой писал по поводу труда Ренана «L'Avenir de la science»: «Все блестит умом и тонкими, верными, глубокими замечаниями» (7 января 1891 г.). «Лучшими сочинениями» по истории церкви Толстой считал труды Пресансе, особенно его «L'Histoire du Dogme», который он использовал в статье «Царство божие внутри нас» (1891—1893). В работах над трактатом «Соединение, перевод и исследование 4-х евангелий» (1880—1882) Толстой пользовался трудами французского ученого Рейса.

В тот же период, именно в 1889 г., Толстой читает сочинения Сен-Симона. 25 апреля он записывает в дневнике: «Читал сен-симонизм, фурьеризм и общины. Думал: страшно подумать, как заброшен мир, как парализована в нем деятельность лучших представителей человечества организациями церкви, государства, педагогической науки, искусства, прессы, монастырей, общин... St. Simon говорит: что если бы уничтожить 3000 лучших ученых! Он думает, что все погибло бы. Я думаю, что нет. Важнее уничтожение, изъятие лучших нравственно людей».

Начиная с середины 80-х годов, Толстой принимает близкое участие в издательстве «Посредник», организованном по его инициативе с целью распространения «полезной и дешевой книги для народа». Для этого издательства, по выбору Толстого и под его редакторским наблюдением, были переведены и переработаны некоторые произведения (или их главы) из французских авторов. Из В. Гюго—«Праведный старец» и «Сирота в неволе» (переработка отдельных глав «Отверженных»); из Ж.-Ж. Руссо—«Исповедание веры савойского викария»; из Бальзака—«Скупой и его дочь» (изложение по роману «Эжени Гранде»); из Золя—«Жервеза» (переделка эпизода из романа «Западня»). Предполагалась переработка романа Ж. Санд «Чертова лужа» («„Mare au Diable“ взял Илюша [И. Л. Толстой],—писал Толстой В. Г. Черткову 16 января 1886 г.,—я буду поощрять его»); переработка эта, однако, не состоялась. Сам Толстой снова переработал главу из «Отверженных» Гюго—«Епископ Мириэль», изложил поэму из «Légende des siècles», того же автора, под заглавием «Бедные люди», «Суратскую кофейню» (из Бернардена де Сен-Пьера) и рассказ Saillens «Père Martin» под названием: «Где любовь, там и бог». Рассказ Saillens, впервые напечатанный в сборнике «Récits et allégories» и затем в русском переводе появившийся в журнале А. И. Пейкер «Русский Рабочий», был значительно переработан Толстым и напечатан в «Посреднике» без имени автора. В дальнейших перепечатках, по недосмотру, под рассказом была ошибочно дана подпись Толстого, что вызвало недоразумение и письменные обращения к Толстому Saillens[30]. Для «Посредника» Толстым были переработаны также два рассказа Мопассана: «Дорого стоит» (отрывок из «Sur l'eau») и «Франсуаза» («Le port»). С произведениями Мопассана Толстой тогда только что познакомился, и они произвели на него огромное впечатление. 18 октября 1890 г. он пишет В. Г. Черткову[31]: «Перевожу я вам в „Посредник“ ужасной силы и цинизма и глубоко нравственный рассказ Гюи Мопассана. На днях пришлю». В письме к Т. А. Кузминской (ноябрь—декабрь 1889 г.) Толстой пишет: «„Disciple“[32] очень скверно. Нагромождено всего куча и все это не нужно автору—ничего ему сказать не нужно. Прочти Fort comme la mort[33]. Это написано прекрасно и задушевно, оттого и тонко, но горе, что автору

кажется, что мир сотворен только для приятных адюльтеров». В 1894 г. Толстой пишет предисловие к сочинениям Мопассана и в процессе этой работы заново передумывает и производит переоценку своих впечатлений от этого автора. «Работаю над предисловием к Мопассану,—пишет он сыну Л. Л. Толстому 2 марта,—мне стал противен Мопассан своей нравственной грязью, и я бросил свое прежнее предисловие и начал писать новое, в котором хочется сказать то, что думаю об искусстве». Слухи о новой работе Толстого быстро распространились в публике, и в том же 1894 г. к нему обратилась переводчица Н. Д. Фомина с просьбой «написать несколько слов» в качестве предисловия к переводимому ею роману Марселя Прево «Полудевы» («Les demi-vierges»). В неопубликованном письме к ней от 11 июля Толстой пишет: «Очень сожалею, что то, что я имею сказать о присланном вами мне романе Les demi-vierges Marcel Prevost не может служить ему предисловием. В романе этом автор притворяется, что он сочувствует нравственному и хочет обличить безнравственное, но как нельзя утаить в мешке шила, так нельзя в художественном произведении



ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА ЖЮЛЯ КЛАРЕТИ С ЕГО НАДПИСЬЮ И ПОМЕТОЙ ТОЛСТОГО
Всесоюзная библиотека им. Ленина, Москва

скрыть того, что составляет предмет любви автора, а в этом романе видно, что автор любит только самое гадкое, безнравственное, и потому роман этот не только не может принести никому никакой пользы, но может быть только вреден, как всякое порнографическое сочинение. Советую вам бросить этот перевод».

Предисловие к сочинениям Мопассана потянуло Толстого к специальному изучению проблемы искусства, в результате которого через четыре года, в 1898 г., появился его трактат «Что такое искусство?». Французскими источниками для этого труда послужили работы по эстетике старых авторов: Бате, Дидро, Даламбера, отчасти Вольтера; новых: Тэна, Ренана, Шербюлье, Равессона, Левека, Кузена, Жуффруа, Гюйо и новейших: Фьерен-Жевара, Сар-Пеладана, Верона. Только этот последний автор вызывает положительный отзыв Толстого, как представляющий «исключение по своей ясности и разумности», а его исследование («L'esthétique») Толстой называет «очень хорошей книгой». В своем трактате Толстой, как известно, подвергает суровой критике новейшую французскую поэзию

(во главе с Бодлером, Верленом, Малларме, Метерлинком и Ростаном) и беллетристику (во главе с Золя и Бурже). В числе крайне немногочисленных образцов «высшего, мирового» искусства он называет «Misérables» и «Les Pauvres» Гюго; ко второй категории «всенародных, житейских» произведений искусства причисляет комедии Мольера, некоторые вещи Мопассана и «даже романы Дюма».

Среди многочисленных публицистических статей Толстого, характеризующих его деятельность 90-х и 900-х годов, следует отметить несколько, творчески и текстуально связанных с событиями французской жизни. В статье «Неделание» (1893) Толстой приводит полностью известную речь Э. Золя, обращенную к парижским студентам, и горячо полемизирует с ним по вопросу о моральных идеалах для юношества. В противовес взглядам Золя, выраженным в этой речи, Толстой приводит также письмо другого французского романиста Дюма-сына редактору журнала «Gaulois» по поводу той же речи.

В связи с работой над статьей «Неделание» Толстой писал Л. Л. и М. Л. Толстым 10 июня 1893 г.: «Теперь пишу о двух статьях Зола и Дюма, к[оторые] мне прислал редактор „Revue des Revues". Очень интересные письма о духе времени и о том, чем это кончится и что делать. Dumas говорит: „я думаю, что теперь наступает время, когда мы серьезно примемся исполнять слова: Любите друг друга, не разбирая того, кто сказал их, бог или человек". В этом одном он видит выход из тех противоречий, в которых мы запутались. А Зола напротив очень глупое». В письме к Л. Л. Толстому от 23 июня того же года Толстой снова писал: «Ничего не кончил, кроме маленькой статьи по случаю двух противуположных и очень характерных писем Зола и Дюма, которые мне прислал редактор „Revue des Revues". Я в статье подчеркиваю глупость речи Зола и провиденье Дюма и высказываю слегка свои мысли и о науке и о том, что только усвоение людьми христианского мировоззрения спасает человечество, т. е. намеки на то, что я говорю в большой статье[34]. Я послал эту статью Villot для журнала J. Simon „Revue de famille"». Одновременно с работой над статьей «Неделание» Толстой занимается лично ее переводом на французский язык, и этот авторский перевод постепенно, под влиянием увлечения Толстого, все дальше отходит от русского текста статьи и превращается в особую статью под заглавием: «Du mouvement des idées dans les écoles en France». Основные мысли письма Дюма (о «безумии, бешенстве любви», которое охватывает и должно охватить людей в их отношениях друг к другу) Толстой находил близкими своему миросозерцанию. Выдержки из этого письма он приводит в другой своей статье, «О значении русской революции» (1906), и включает его полностью в сборник «Круг чтения».

В статье «Христианство и патриотизм» Толстой приводит беседу на тему о войне, и, в частности, о войне с Германией, гостя-француза с яснополянскими крестьянами на покосе («Один французский агитатор в пользу войны с Германией» и т. д.). Под «французским агитатором» Толстой подразумевает Поля Деруледа, посетившего Ясную Поляну летом 1886 г. и о котором Толстой писал В. Г. Черткову 17—18 июля: «Вчера у меня провел день французский писатель Deroulède и очень меня заинтересовал. Представьте себе, что это человек, посвятивший свою жизнь возбуждению французов к войне, revanche против немцев. Он глава воинственной лиги и только и бредит о войне. И я его полюбил. И мне он кажется близким по духу человеком, который не виноват в том, что он жил и живет среди

людей язычников». В статье «Офицерская памятка» (1901 г.) Толстой пересказывает нашумевшее во французской прессе дело об истязаниях солдат в дисциплинарных батальонах на острове Oléron, в шести часах езды от Парижа. В дневнике этого года под датой 8 апреля имеется запись: «Вчера читал и смотрел картины мучений во французских дисциплинарных батальонах и разрыдался от жалости»[35].

Одновременно с публицистической деятельностью Толстой в рассматриваемый период создает и художественные произведения; из них наиболее крупные — роман «Воскресение» (1889—1900) и повесть «Хаджи Мурат» (1896—1904). На основании целого ряда твердых данных нам удалось установить, что при работе над романом «Воскресение» Толстой пользовался одним специальным источником. В первый период работ над романом Толстой, в письме от 2 мая 1896 г., пишет В. В. Стасову, обыкновенно снабжавшему его нужными для работ материалами: «Parent du Châtelet у меня есть, а если еще что вам попадет под руку в этом роде, то пришлите». Это письмо было написано в ответ на предложение В. В. Стасова прислать книгу, чрезвычайно полезную, по его мнению, для темы нового романа Толстого: Parent du Châtelet «De la Prostitution dans la ville de Paris considerée sous les rapports de la hygiène publique, de la morale et de l'administration» (Paris, 1836). В этом двухтомном труде Parent du Châtelet с мельчайшими подробностями, с обильными статистическими данными излагает положение проституции во Франции и, в частности, в Париже, с указанием ближайших причин ее развития; наряду с этим он изображает порядки и нравы публичных домов, закулисный быт проституток, их взаимоотношения, изменения, производимые ремеслом в их психологии и физиологии, и пр.; последние главы труда посвящены проблеме административных реформ в данной области. Материалы для своего труда автор собирал не только в Париже, но и в различных крупных европейских городах (в том числе и в Петербурге), пользуясь, главным образом, полицейскими данными, опросом самих проституток по тюрьмам и больницам, сообщениями врачей, сиделок и тюремных надзирателей. Из ответа Толстого В. В. Стасову видно, что он знал книгу Parent du Châtelet, интересовался и пользовался ею. И, действительно, сравнительный анализ труда du Châtelet и романа Толстого устанавливает известную между ними связь. Так, французский автор, рассматривая причины проституции, говорит: «Тщеславие и желание блистать в роскошных платьях, в соединении с леностью, является одной из главнейших причин проституции» (ch. I, p. 91). Несколько далее, касаясь вопроса, почему проститутки идут в дома терпимости, где хозяйки их заведомо эксплоатируют, автор отвечает, что их соблазняет «великолепие платьев, которые им дают там и стоимость которых доходит иногда до пяти и шести сот франков» (ch. VII, p. 456). В романе Толстого читаем, что Катюшу Маслову «соблазняло и было одной из причин окончательного решения то, что сыщица сказала ей, что платья она может заказывать себе какие только пожелает,—бархатные, фаи, шелковые, бальные с открытыми плечами и руками. И когда Маслова представила себе себя в ярко желтом шелковом платье с черной бархатной отделкой-декольте, она не могла устоять и отдала паспорт» (часть I, гл. II). Французский автор, изображая категорию проституток, прибывающих из провинции, соблазненных там «чиновниками или офицерами» и поступающих в дома терпимости в Париже, отмечает их безумную боязнь встретиться здесь со своими земля-

ками; он рассказывает об одной девушке, которая при такой неожиданной встрече чуть не сошла с ума от страха (ch. II, p. 101). При первом свидании Масловой с Нехлюдовым, как только Катюша узнала его, она с испугом кричит, не отвечая на его просьбы о прощении: «Как это вы нашли меня?». «Профессиональный» страх на минуту заглушил в ней все другие эмоции. В специальной главе, посвященной культурному уровню проституток, Parent du Châtelet говорит, что в большинстве случаев они неграмотны или симулируют безграмотность; даже наиболее интеллигентные из них как бы с трудом подписывают свою фамилию нарочито дрожащими и неуверенными почерками (ch. II, p. 78). Маслова, отвечая на вопрос смотрителя (в присутствии Нехлюдова), грамотна ли она, говорит: «когда-то знала» и затем, подписывая свою фамилию на прошении, «неловко» берет перо, спрашивает, где писать, «старательно» макает и отряхивает перо, вообще держится, как малограмотная. Эта сцена представляется странной, если принять во внимание, что Катюша была воспитанницей теток Нехлюдова, исполняла у них роль лектрисы, сама читала Тургенева и Достоевского, бегло знала по-французски; следовательно, в описанной сцене Толстой снова дает профессиональную черточку «симуляции безграмотности», подмеченную французским специалистом. Касаясь вопроса о взаимоотношении проституток с их хозяйками, Parent du Châtelet рассказывает, что эти последние, эксплоатируя своих девушек, в то же время, во избежание скандалов и дебоширств, заискивают перед ними, посещают их в тюрьмах и больницах и «беспрерывно возбуждают тщеславие в этих несчастных» преувеличенными похвалами их достоинств и успехов среди гостей (ch. VII, p. 480). Содержательница публичного дома, в котором находилась Катюша, Китаева, давая свои показания на суде, заявляет, что она самого хорошего мнения о Масловой («девушка образованный и шикарна») и, рассказывая случай с купцом, который получил к Катюше «предилекцию», обменивается улыбкой с подсудимой. Вся фигура Китаевой, содержание и стиль ее показаний, несомненно, подсказаны соответствующими главами труда du Châtelet, в котором, между прочим, приводятся подлинные прошения такого рода дам полицейскому префекту на предмет разрешения публичных домов. Давая характеристику психологии проституток, Parent du Châtelet говорит: «На людях, на улице и в публичных домах, особенно перед мужчинами, они держатся так, как будто их ремесло ничуть не позорно, даже почти почтенно», в условиях иных «они горько и болезненно чувствуют свое униженное положение» (ch. II, p. 103). Эта характеристика вполне соответствует душевному состоянию Катюши Масловой. Во втором томе своего труда Parent du Châtelet сообщает, что опрошенные им тюремные надзиратели свидетельствуют: «Праздность наиболее пагубна для заключенных проституток—они беспрерывно дерутся и поднимают такой шум, который оглушает соседей» (ch. XVIII, p. 267). Переведенные из тюрьмы на какую-либо работу, например, в больницу, они совершенно преображаются, и этим фактом автор оперирует, как аргументом, для проведения известных административных реформ. Маслова, переведенная, благодаря хлопотам Нехлюдова, на работу в больницу, также резко изменяется к лучшему, независимо даже от развития ее романа с Нехлюдовым.

Вышеприведенные и ряд других фактов позволяют установить, что в истории проститутки Масловой автор «Воскресения» в известной степени использовал специальный труд Parent du Châtelet.

Французским источником повести «Хаджи Мурат» послужил многотом-

ПОСТАНОВКА „ВОСКРЕСЕНИЯ“ НА СЦЕНЕ ПАРИЖСКОГО ТЕАТРА ОДЕОН, 1902 г.
Актриса Берта Бади в роли Катюши Масловой
С репродукции из журнала „Le Théâtre“, декабрь 1902 г.
Толстовский музей, Москва

ный труд Paul Lacroix «Histoire de la vie et du règne de Nicolas I» (1864—1874). В яснополянской библиотеке имеются три первых тома этого труда; первый том имеет многочисленные отметки Толстого. Данные этого исследования Толстой использовал в XV главе повести, в изображении Николая I и его ближайшего окружения, главе, более чем на три четверти урезанной царской цензурой. Упоминание здесь, среди приглашенных к «высочайшему» столу, имени графа Ржевусского прямо подводит текст повести к французскому источнику, автор которого Paul Lacroix приходился родным братом поэту и переводчику Jules Lacroix, женатому на известной Каролине Собанской, урожденной графине Ржевусской, брат которой гр. Адам Ржевусский был русским генералом и любимцем Николая I. Из этих русско-польских источников французский исследователь черпал, по преимуществу, материал, подчас чрезвычайно интимный, для своего изображения петербургских придворных сфер.

В последние годы жизни Толстой снова усиленно занимается старинными французскими моралистами для составления сборников «Круга чтения» и «На каждый день». Имеющиеся в яснополянской библиотеке сочинения Паскаля, Монтеня, Амиэля, Ламене, Ла-Боэти, Лабрюйера сплошь испещрены рабочими пометками Толстого. В сборнике «Круг чтения» из 60 небольших рассказов и статей, данных в качестве «недельного чтения», 14 отрывков принадлежат французским авторам (Гюго, Руссо, Дюма, Мопассану, Франсу, Ламене, Ла-Боэти). В тот же отдел сборника Толстой включил написанные им биографии Паскаля и Ламене. Для «Детского круга чтения» Толстой излагал некоторые главы «Misérables» Гюго. «Cosette из Misérables как хороша! Представляю себе, как будет нравиться детям!»— записывает слова Толстого Маковицкий 7 апреля 1907 г. Толстой перечитывает и снова восхищается Гюго: «Виктор Гюго—это серьезная сила, такой же Герцен... У них есть известная духовная энергия, особые требования, которые драгоценны» (запись Маковицкого 20 февраля 1909 г.).

«Л. Н. сказал, что у него такое чувство, что Гюго еще жив. Всегда его любил. У него есть фраза и пафос, которые отталкивают, а вместе с тем есть и простота. У него есть поэзия безумия, но это безумие другое, чем декадентское» (там же, запись 15 августа 1909 г.). Однако, к стихам Гюго Толстой относится уже без всякого энтузиазма: «Ох, не люблю я стихов. Вот Виктор Гюго, до чего его люблю, прозу всякую строку смакую. Дошел до стихов—не мог читать. Сейчас виден умысел, ненатурально» (там же, запись 25 февраля 1909 г.). Но такие произведения Гюго, как «Последний день приговоренного к казни» («Все это сильно, все это comme c'est chanté...* Все это знают. Написано в 1830 г. И все продолжаются казни»), епископ Мириэль из «Отверженных» («Это такая история,—она меня за душу хватает, я ее не могу читать»), «Un athée» из «Post-scriptum de ma vie» трогали Толстого до слез. Н. Н. Гусев в своих воспоминаниях «Два года с Л. Н. Толстым» рассказывает о первом обмороке, случившемся с Толстым 2 марта 1908 г.: «Перед этим диктовал свой перевод рассказа В. Гюго «Un athée». Заплакал при последних строчках. Прошелся по комнате—и упал на спину»[36].

В 1909 и в 1910 гг. Толстой также перечитывает Мопассана с «новым интересом», и в связи с этим чтением у него возникает вновь желание писать «художественное изображение всей пошлости жизни богатых и чиновничьих классов и крестьянских рабочих, а среди тех и других хоть по одному духовно живому человеку» (дневник, 2 октября 1910 г.). Чтение Золя попрежнему оставляет его холодным. «Зола не выше Додэ. Ни у того, ни у другого я не признавал таланта. Зола—Горький,—Горький французский с хорошим французским языком» (запись Маковицкого 13 ноября 1907 г.). В те же годы Толстой внимательно читает и современных французских авторов, из которых наиболее сильное впечатление на него произвел А. Франс. «Анатоль Франс—единственный из теперешних французских писателей, которых я нахожу возможным читать» (запись Маковицкого 6 декабря 1907 г.). В письме к С. Н. Толстому от 13 июля 1903 г. Толстой пишет: «Посылаю тебе книгу Anatole France «Histoire comique», которая противна своей грязью, но очень не только остроумна, но и умна. Я не согласен совсем с взглядами автора, выраженными доктором, но рассуждения доктора вызывают на мысли и очень умны». По поводу «Иокасты» Толстой сказал: «Первая глава остроумна, это так бодро, весело. Только французы могут так писать художественно» (запись Маковицкого 28 сентября 1908 г.). В связи с разговором о публике, предписывающей автору, как и о чем писать, Толстой сказал: «Я предписал бы Анатолю Франсу писать мелкие рассказы» (там же, запись 18 марта 1909 г.). В сборник «Круг чтения» Толстой включил некоторые мысли А. Франса и в отдел «недельного чтения» его рассказ «Crainquebille» под заголовком «Уличный торговец». По поводу романа E. Estaunié «La vie secrète» Толстой сказал: «В романе, который читаю, везде одно и то же—сознание французских рабочих—они, правда, преувеличивают—что они эксплоатируемы и что богатые живут их трудом. И это роды—рождаются новые формы жизни» (запись Маковицкого 11 марта 1909 г.). Драма П. Бурже «Barricade» «заинтересовала» Толстого[37]. «La vie de Michel Ange» Р. Роллана, присланная автором, не понравилась Толстому, но предисловие к книге он нашел написанным «виртуозно» (запись Маковицкого 22 августа 1906 г.). Книжка рассказов Милля «La biche écrasée» вызвала его восхищение, в особенности

* Будто пропето.

один из рассказов—«Repos hebdomadaire», о котором Толстой сказал: «лучший рассказ во всей книжке—игрушечка». Об этом рассказе Толстой записывает в дневнике «Милый рассказ Mille, Repos hebdomadaire».

Наряду с художественной литературой, Толстой в эти годы читает и научные труды французских авторов: Тэна—«Les origines de la France contemporaine» («Читаю Тэна. Очень мне кстати»,—записывает он в дневнике 19 августа 1905 г.); Токвиля—«L'ancien régime et la révolution». В связи с чтением последней книги, Толстой записывает в дневнике 29 июня 1905 г.: «Toqueville говорит, что большая революция произошла именно во Франции, а не в другом месте именно потому, что везде положение народа было хуже, задавленнее, чем во Франции. En détruisant une partie des institutions du moyen âge on avait rendu cent fois plus odieux ce qui en restait*. Это верно. И по этой же причине новая, следующая революция—освобождение земли—должна произойти в России, так как везде положение народа по отношению к земле хуже, чем в России». В то же время Толстой с большим интересом читает мемуарную литературу: «Мемуары» Мирабо со статьей о нем В. Гюго, «Мемуары» Сен-Симона, по поводу которых заметил: «Всегда мемуары очень интересны. Как после этого читать рассказы?» (запись Маковицкого 24 октября 1906 г.). Большое впечатление произвела на него история деятеля великой революции Жильберта Ромма, члена Конвента, примыкавшего к крайней левой его группировке, покончившего с собой вместе с пятью товарищами перед гильотинированием в 1795 г., после падения Робеспьера. Историю Ж. Ромма Толстой читал в русской книге Н. М. Романова «Граф П. А. Строганов» (Ж. Ромм в молодые годы был воспитателем Строганова). «Читал Строганова о Ромме,—ошибочно записал Толстой в дневнике 31 декабря 1905 г., — был поражен его геройством в соединении с его слабой, жалкой фигуркой... Я думаю, что это чаще всего бывает так. Силачи чувственные, как Орловы, бывают трусы, а эти напротив».

В последний год своей жизни, в 1910 г., Толстой с особенным интересом читает присланную ему И. И. Мечниковым книгу Эдуарда Фоа «La Traversée de l'Afrique, du Zambèse au Congo Français» и «Religions des Peuples noncivilisés» Ревиля. О последней книге он записывает в дневнике 18 мая: «Все читал Réville и много интересного. Réville очень наивный писатель—считает верх непросвещения людей, когда они живут, не признавая ни государства, ни собственности. На много мыслей наводит меня это чтение».

До конца жизни Толстой интересовался французской литературой и научной мыслью, следя за ее развитием по книгам и многочисленным журналам и газетам, высылавшимся ему в Ясную Поляну (журнал «Revue des Deux Mondes» он сам выписывал в течение многих лет), а также по обширной своей переписке с французами и путем бесед с многочисленными посетителями Ясной Поляны, приезжавшими из Франции. Покинув Ясную Поляну 28 октября 1910 г., Толстой в письме от того же числа из Оптиной пустыни просил дочь А. Л. Толстую, прислать ему несколько книг, из них—сочинения Монтеня и повесть Мопассана «Une vie». Эти книги были доставлены ему на станцию Астапово, когда он воспользоваться ими уже не мог. Последняя запись, сделанная его рукой в дневнике, обрывается любимой его французской поговоркой: «Fais ce que doit, advienne que pourra»**[38].

* Уничтожение части средневековых установлений сделало их остатки в сто раз более гнусными.

** Делай, что должно, и пусть будет, что будет.

В обширной яснополянской библиотеке Толстого около тысячи названий принадлежит французским авторам. Здесь и французские классики и представители новейшей литературы, беллетристика, история, мемуары. Некоторые книги имеют многочисленные отметки Толстого, другие лишь наполовину им разрезаны. Из общего числа французских книг, хранящихся в яснополянской библиотеке, 120 присланы Толстому авторами с собственноручными надписями. Среди этих авторов—Р. Роллан, О. Мирбо, П. и В. Маргерит, М. Прево, Ш. Жид, П. Дерулед, Ж. Фабр, Г. Дювернуа, Фьерен-Жевар, П. Милль, Ш. Морис, Ж. Грав, Ж. Легра, П. Луазон, М. Потшер, Ш. Рише, Э. Род, А. Франс, Л. Рони, Э. Руар, Т. Кан, Л. Форе и др. От Р. Роллана имеются две книги—«Jean Christophe» с надписью: «Льву Толстому, давшему нам пример высказывания правды во что бы то ни стало всем и самим себе, в знак искреннего уважения. Ромен Роллан, 6 апреля 1908», и «Le temps viendra», с надписью: «Льву Толстому, в знак искреннего уважения и глубокой признательности. Р. Р. Март 1903». От П. Деруледа—«La moavité», drame, с надписью: «Мыслителю, философу, романисту, великому русскому писателю Льву Толстому, в знак глубокого и почтительного восхищения. Поль Дерулед, Тула, июль 1886 г.». От Октава Мирбо—«L'abbé Jules» («Графу Льву Толстому в знак моего глубокого восхищения. Октав Мирбо») и «Les affaires sont les affaires» («Льву Толстому, величию души которого я обязан тем, чем немного стал. О. М.»). От М. Прево—«Le jardin secret» («Льву Толстому в знак уважения от автора. Марсель Прево»). От Поля и Виктора Маргерит—«Le Désastre» («Льву Толстому в знак уважения от его почитателей. Поль и Виктор Маргерит»). От Ш. Жид—«L'avenir de la Coopération» («Льву Толстому в знак уважения от одного из его читателей. Шарль Жид»). От М. Потшера—«Le Théatre du Peuple, Renaissance et Destinée du Théatre Populaire» («Подношение графу Льву Толстому, как очевидный знак сыновнего уважения»). От Ж. Грава—«Les aventures de Nono» («Льву Толстому с сердечной симпатией. Ж. Грав») и «L'Individu et la Societé» («Л. Толстому от почитателя его таланта и его любви к эксплуатируемым. Ж. Грав»). От Ш. Рише—«Pour les grands et les petits, fables» («Знаменитому и высокочтимому графу Л. Толстому. Шарль Рише»). От П. Луазона—«L'Investiture de Tolstoï» («Толстому с выражением признательности за то благо, которое он мне сделал, утверждая во мне серьезное и трагическое понимание жизни. Поль-Гиацинт Луазон»). От Т. Кана и Л. Форе—«Vers la Paix» («Толстому, столь сострадательному к людям и столь грозному для завоевателей, с уважением посвящаем этот роман о Мире. Луи Форе, Кан»). От А. Сегара—«Le Mirage Perpétuel» («Льву Толстому, патриарху европейской литературы и мысли, от его почитателя. Ахилл Сегар. 1907»). От Э. Руара—«Le victime» («Графу Толстому, чьи произведения взволновали человечество, в знак благоговения от француза. Эжен Руар»).

Помимо надписей на книгах, многие авторы сопровождали присылку своих произведений особыми письмами, в которых более подробно высказывали свое отношение к Толстому.

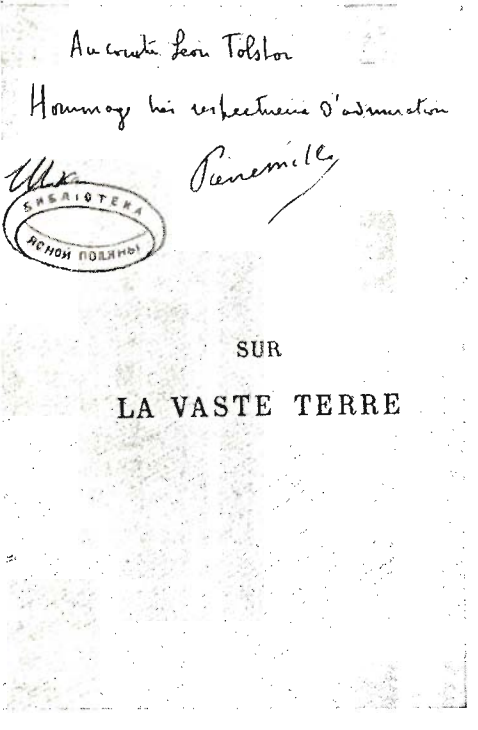
Переписка Толстого с французами весьма обширна; подлинников писем французских корреспондентов (на французском языке) к Толстому хранится в Библиотеке имени Ленина в Москве—435 и в Толстовском музее—69, всего 504 письма. Эту коллекцию нельзя, однако, считать полной, так как несомненно, что многие письма до настоящего времени не сохранились. Значительное количество французских писем осталось без ответа

со стороны Толстого, на многие из них отвечали члены семьи и секретари по его поручению, высказанному иногда устно, иногда в виде особых помет на конверте письма, сделанных Толстым собственноручно. Писем самого Толстого французским адресатам насчитывается до 170. Первое из сохранившихся писем относится к 10 августа 1857 г., последнее—к 24 октября 1910 г. Из года в год количество писем к Толстому из Франции возрастает и достигает наибольшего числа в начале 900-х годов.

По своему содержанию письма французов чрезвычайно разнообразны. Они могут быть подразделены на несколько категорий: 1) письма идеологического порядка по вопросам науки, искусства, политики, морали; 2) письма с запросами от организаций и частных лиц по поводу тех или иных событий общественной жизни (часто с анкетами); 3) письма деловые; 4) письма, сопровождавшие посылку книг, брошюр и рукописей; 5) письма частного характера (поздравительные, хвалебные, биографические); 6) письма просительные.

К первой и основной по своей идеологической значимости группе писем относятся, прежде всего, шесть писем Ромен Роллана. Первое письмо датировано 16 апреля 1887 г.:

«Граф, я не посмел бы писать вам, если бы имел в виду только выразить мое восхищение вашими творениями; мне кажется, я слишком хорошо знаю вас по вашим романам, чтобы обратиться к вам с пошлыми похвалами, которые ваш великий ум презирает и которые были бы почти дерзостью со стороны ребенка, каким я еще являюсь. Но я движим жгучим желанием знать—знать, как жить, и только от вас я могу ждать ответа, ибо только вы поставили вопросы, которые преследуют меня. Я измучен мыслью о смерти, которую нахожу почти на каждой странице ваших романов; я не мог бы сказать вам, насколько ваш



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ПЬЕРА МИЛЛЯ НА КНИГЕ „SUR LA VASTE TERRE", ПРИСЛАННОЙ Л. Н. ТОЛСТОМУ

Библиотека Толстого в Ясной Поляне

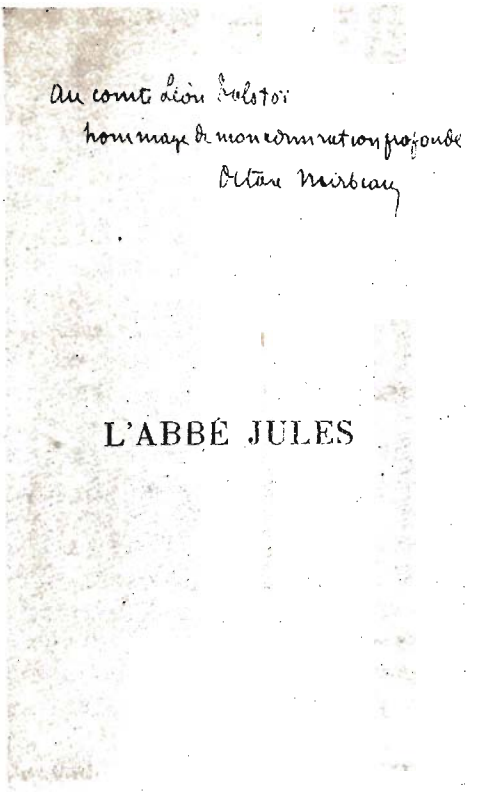
Иван Ильич совершил переворот в моих самых заветных мыслях». Далее Р. Роллан пишет о том, что он разделяет взгляды Толстого о возможности победы над смертью путем отказа от собственной личности и растворения ее в общечеловеческой жизни; однако, дальше начинаются расхождение и сомнения со стороны французского писателя. «Я хочу поставить вам вопрос, который наиболее волнует меня: почему вы осуждаете искусство? Отчего бы вам, напротив, не воспользоваться им, как самым совершенным средством, которое позволит вам осуществить ваше отречение? Я прочел только что со страстным увлечением ваше новое произведение „Так что же нам делать?". Разрешение вопроса об искусстве в нем отложено до другого раза. Вы говорите, что вы осуждаете искусство, но вы не сообщаете мотивов вашего приговора...». «Я понял, что если вы осуждаете искусство, то потому, что видите в нем эгоистическую потребность утонченных наслаждений, способную только бесконечно увеличить ощущения нашего „я", повышая до крайности нашу чувственность. Увы! я хорошо знаю, что в этом действительно, даже для большинства художников, предмет искусства: аристократический сенсуализм, сенсуализм людей, органы чувств которых приобрели исключительную утонченность. Но нет ли в этом и другого, того другого, которое для многих есть Все! Это именно забвенье своей личности, смерть индивида, растворенного в ощущении, которое он под конец перестает даже чувствовать, когда оно достигает бесконечной сложности, до которой дошла, например, музыка... О, скажите мне, если вы думаете, что я неправ, и почему. Ни в одном из известных мне ваших романов я не нашел ответа на этот вопрос. Я влюблен в искусство потому, что оно разрывает мою жалкую маленькую личность, что в нем я перестаю существовать, что эти бесконечные гармонии звуков и красок растворяют мысль и отменяют смерть. И если я буду работать—работать на земле,—я все же не перестану мыслить... Не думаете ли вы, что искусство призвано осуществлять огромную роль даже в вашем учении для народов, которые умирают от сложности своих чувств и от излишеств своей цивилизации? Простите мне это длинное письмо. Зная вашу доброту, я уверен, что оно не утрудит вас и что вы соблаговолите рассеять сомнения молодого француза, который восхищается вами и глубоко вас любит. Ромен Роллан, ученик Высшей нормальной школы»[39].

На конверте письма помета рукой С. А. Толстой: «Это письмо прелесть». Толстой, занятый в то время работой над трактатом «О жизни», не сразу ответил на него. Отсутствие ответа со стороны Толстого вызвало второе письмо к нему Р. Роллана в сентябре того же года:

«Monsieur, я уже имел смелость писать вам в Москву; дошло ли до вас то письмо мое? Надеюсь, что это письмо будет счастливее. Я не могу относиться к жизни с равнодушной усмешкой, как мои соотечественники. Их научные исследования, позитивные труды, поглощающие их, кажутся мне праздными, способными, в лучшем случае, лишь отдалить час размышлений о том, что неизбежным и роковым образом встанет перед нами в момент смерти. Я не могу отказаться от познания нравственной основы вещей; это значило бы отказаться от самой жизни. И меня поражает, что столько людей среди народа живут и умирают, тем не менее, счастливыми, потому что обладают смиренной верою и простодушной любовью. Я думаю, что лучше было бы и нам вернуться к состоянию простых людей, разделить их верования, сделаться такими же, как они. Я думаю, что мы являемся бесконечно малыми частицами великой мировой души и что

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ОКТАВА МИРБО НА КНИГЕ „L'ABBÉ JULES", ПРИСЛАННОЙ Л. Н. ТОЛСТОМУ

Библиотека Толстого в Ясной Поляне



Благо состоит в том, чтобы жертвовать собой для других. Но как? Я долго надеялся, что Искусство спасет меня, уничтожая постепенно мое я и приводя меня через наслаждение к жертве. Но, в конечном итоге, я вновь и вновь нахожу себя и в художественном экстазе; это все тот же, только более разумный, эгоизм; утончая свои чувствования, я расширяю свое существование, которое признал дурным. Значит, надо достигать этого трудом, отрешенным от мысли. Но каким именно? Должен ли это быть труд физический, и какой именно вид физического труда? И, наконец, скажите мне, умоляю вас, действительно ли, по всей правде, с тех пор, как вы обрели истину, вы всегда счастливы ею, не шевелятся ли в вас тотчас же подавляемые протесты против того существования без мысли, которое вы хотите для себя и для других. Словом, действительно ли так легко подавить в себе мысль своею волей и путем одного только труда? Ответьте мне, прошу вас; я так нуждаюсь в совете! У меня нет никакого нравственного руководителя. Кругом—только равнодушные, скептики, дилетанты, эгоисты. Полагаете ли вы, что если бы мне удалось всем сердцем отдаться тому труду, который вы проповедуете, то это совершенно освободило бы меня от отчаяния и сомнений и что у меня не было бы больше ни тревоги, ни воспоминаний, ни сожалений о прошедшей жизни; что я смог бы сразу уничтожить все то, чем я был с самого детства? Ответьте мне главное: предназначается ли ваше доброе слово только для русского народа или же для всех нас, французов, для всех страдающих и отчаивающихся? Один из ваших скромных и горячих последователей Ромен Роллан».

Толстой ответил на оба письма, глубоко его тронувших, большим письмом 3 октября 1887 г., которое затем, в несколько переработанном виде, неоднократно печаталось в форме статьи под заглавием «О ручном труде» [39].

Третье письмо относится к январю 1897 г. Сопровождая посылку Толстому оттисков своей драмы «Saint Louis», Ромен Роллан писал:

«Дорогой и великий дальний друг, чей пример и чьи сильные слова так часто сообщали мне мужество для жизни, вы не вспоминаете, вероятно, что десять лет тому назад (я был тогда еще почти ребенком) я обратился к вам в состоянии жестокого нравственного кризиса, и вы мне ответили с нежной добротой. Вы, вероятно, не раз поддерживали юные сомневающиеся души и оказывали им добро, но мне всего раз пришлось (в тот день, когда я вас встретил) найти в этой огромной Европе, в этой толпе ученых, художников и мыслителей, душу, которая удостоила вниманием страдания безвестного ребенка, чтобы облегчить их... Когда я обратился к вам за советом, я был озабочен антагонизмом, который вы, казалось, устанавливали между искусством и добром. Искусство было моей жизнью, моей религией; я был обязан ему моими самыми чистыми и самыми невинными радостями, и я черпал в нем мои лучшие силы для борьбы со злом. Могло ли быть, чтобы оно было противоположно любви к ближним, преданности им? Я спросил вас об этом, и вы ответили мне, что вы сражаетесь не с искусством, но с художниками наших дней; вы не запрещали тем, у кого в сердце звучала музыка, чтобы она продолжала петь; но вы не хотели, чтобы они превращали это в ремесло и торговлю...».

Четвертое письмо Р. Роллана, написанное через три с половиной года после предыдущего и датированное 21 июля 1901 г., было вызвано тяжелой болезнью Толстого в Гаспре.

«Дорогой друг, такой далекий и такой близкий нам, я постоянно думал о вас в течение последних дней. Не могу выразить того отчаяния, которое вызвала во мне ваша болезнь, и утешения, которое мне принесло известие о том, что вы чувствуете себя лучше. Без сомнения, вы не помните меня. Когда-то я вам написал и получил от вас очень доброе письмо, которое имело большое влияние на мою интеллектуальную и моральную жизнь. И если я не продолжал переписки с вами, то только из боязни отнимать у вас бесполезно часть вашего времени и плодотворной деятельности, как это делают многие праздные люди. Но я никогда не переставал жить мысленно с вами и проверять свою совесть по вашей. Оставайтесь еще долгое время с нами. Никогда еще ваш разум, ваша правда, ваша независимость и крепкое умственное здоровье не были более необходимы, чем в настоящий момент, когда вся Европа представляется потерявшей чувство правды, справедливости и здравого смысла, словно охваченной какой-то заразой безумия, ибо я все еще считаю ее более больной, чем порочной. Живите еще долгое время, дорогой друг, к чести человеческого рода. Действительно, если бы не было душ, подобных вашей, то в настоящий момент можно было бы прийти в отчаяние от мира, который, удаляясь от истинного прогресса, повидимому, возвращается вспять под именем цивилизации. Верьте моему глубокому чувству. Верьте, что в той самой Франции, к которой, быть может, вы питаете мало симпатии, так как именно в ней и больше всего в ней видите элементы суетности и псевдо-интеллектуальности, есть души, которые любят вас в тишине, которые вдумываются в ваши слова и находят в них поддержку, так же как и в собственном соз-

нании, которые по-своему борются за дело человеческого разума, который является также и человеческим счастьем. Ромен Роллан».

В следующем письме, написанном через месяц после предыдущего (23 августа 1901 г.), Р. Роллан запрашивает Толстого о русских сектантах-духоборах, о которых он прочитал в последних статьях Толстого, переведенных на французский язык. Оба эти письма остались без ответа, вследствие все еще продолжавшейся тогда болезни Толстого.

Наконец, к 27 августа 1906 г. относится последнее, шестое письмо Р. Роллана Толстому, написанное при посылке «Vie de Michel Ange»:

«Я только что с волнением прочитал два тома воспоминаний, опубликованных с вашего разрешения и с вашими примечаниями г. Бирюковым. Из них я увидел, сколько пришлось вам бороться для того, чтобы сделаться тем, чем вы стали теперь, и полюбил вас за это еще больше.

Знаете ли вы жизнь—истинную жизнь Микель Анджело? Я говорю: истинную жизнь потому, что почти никто не имеет ни желания, ни смелости ее узнать. Современники Микель Анджело и впоследствии большинство его биографов желали видеть в нем только какого-то торжествующего полубога. Бедный полубог! Человек, весь охваченный и снедаемый мучительным чувством своей моральной слабости, своего скрытого позора. Он был великим человеком и знал это. Но каким жалким казалось это величие ему, который мог и смел изведать его до последней глубины!

Позволяю себе послать вам два маленьких тома, которые я только что написал об этой жизни, столь могущественной и несчастной, на основании писем и произведений самого Микель Анджело. Если у вас будет когда-нибудь немного времени, чтобы ее прочитать, вы, я уверен, найдете в ней много родственных черт. Прошу вас верить моему глубокому чувству. Р. Роллан».

Интересно письмо E. Le Provost—профессора музыки из Аржантейля. Он пишет Толстому 26 сентября 1903 г.:

«У меня есть книга, купленная мною около 1892 г. в Нью-Йорке у букиниста, и эта книга для меня—шедевр; смею надеяться, что вы о ней того же мнения, если ее знаете». Он дает полный титул книги: «„Что делать?“ Николая Чернышевского, пер. с русского на английский язык Nathan Haskell Dole et S. Skidolsky, Нью-Йорк, 1888» и продолжает: «Эта книга—проявление силы и величия души, смелый опыт, в котором гармонически соединилось чувство и истинное искусство. Не могу выразить вам того восхищения, которое эта книга вызывает во мне. Однако, оно не мешает мне стремиться к объективной оценке писателя и его произведения. Но ни в Нью-Йорке, ни в Париже никто из лиц, осведомленных в русской литературе, ничего не мог сказать мне и ничего решительно не знал о Чернышевском и его произведении. Богатейшая Национальная библиотека также ничего не знает и даже не содержит этого имени в справочном аппарате». Единственным материалом, которым располагает автор письма, являются краткие биографические сведения о Чернышевском, данные в предисловии к указанной книге. И потому, «после долгих колебаний», Le Provost решился обратиться непосредственно к Толстому с вопросом, знает ли он книгу Чернышевского и как относится к ней, переведена ли она на французский и другие европейские языки и где можно получить об ее авторе более подробные сведения. Заканчивая письмо, Le Provost пишет: «Никак не могу примириться с мыслью, чтобы книга подобного размаха замалчивалась в течение 40 лет».

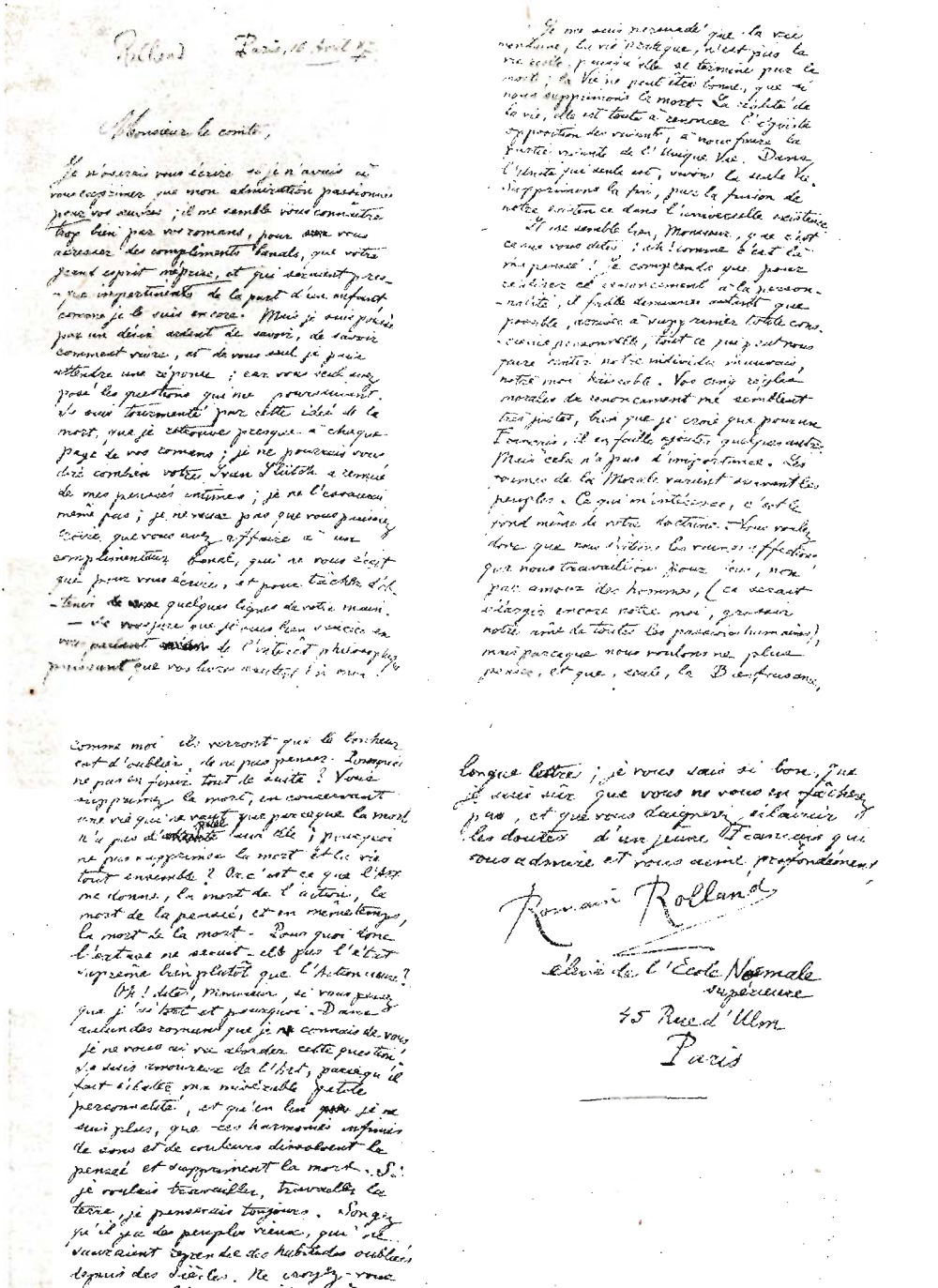
Paul Carrillon в письме от 18 ноября 1906 г. из Лиона пишет: «Из ваших прекрасных философских книг с очевидностью явствует, что вы желаете, чтобы социальная революция совершилась без жестоких потрясений и без пролития крови, и потому я хочу спросить вас: неужели вы думаете, что это возможно, неужели вы думаете, что жестокие люди, духовенство, судьи, солдафоны, капиталисты позволят отнять у них то, что они считают своей собственностью? И не думаете ли вы, что лучше сразу, в какие-нибудь 10—20 лет, покончить со всей этой компанией при помощи жестокой революции, чем ожидать сотни лет, пока она совершится медленно и безболезненно? Вы мне напомните, я знаю, резню 1849 и 1871 гг., вы мне скажете, что прежде чем достигнуть успеха, такая революция много раз потерпит неудачу. Вас пугает кровь, которая должна пролиться; но, отвергая кровавую революцию, вы в то же время не боитесь видеть все те жестокости, которые будут продолжаться в государствах и среди отдельных национальностей».

L. Besnard в недатированном письме, относящемся к 1896 г., пишет: «Уважаемый Лев Николаевич. Вы помните, что в прошлом декабре один очень молодой француз, друг г. Эртеля и г. Черткова, имел счастье продолжительно беседовать с вами. В этот вечер я говорил с вами со всей страстностью, свойственной французской молодежи, по вопросу, уже тогда занимавшему меня, который с тех пор глубоко обдумывался мною и которому я решил посвятить пространную статью в одном из французских обозрений. Речь шла о возможности объединения двух звуковых обнаружений человеческой природы—слова и музыки—в одно целое, в виде драматического произведения. Вы жестоко нападали на мои положения в споре, называя их декадентством. В течение этого времени я советовался со многими известными в Европе драматургами, которые приняли мои идеи менее сурово; один из них был даже весьма ими заинтересован. Вы представляете один решительную оппозицию, и потому я очень желал бы получить ваше мнение, точно формулированным, что позволило бы глубже проанализировать вопрос».

Драматург Maurice Pottecher, основатель первого народного театра во Франции, в письме от 19 сентября 1901 г. писал: «Я основал во Франции деревенский театр ввиду личной потребности бороться против театральных нравов и обычаев, для которых я не чувствовал себя созданным, а также с целью, быть может, менее эгоистической—сближения и союза с людьми моей родины». Далее Потшер рассказывает о судьбе своего театра в течение семи лет его существования и заканчивает письмо словами: «Теперь я счастлив послать вам, дорогой и высокочтимый Лев Николаевич, привет издалека, который вы, по своей доброте, не откажете принять, как свидетельство благоговейной и глубокой любви».

В ответ на это письмо Толстой писал Потшеру из Гаспры 6/19 марта 1902 г.: «Я знаю ваши труды, одобряю их и давно ими любуюсь. Совершенно уверен, что вы достигнете успеха и будете иметь большое и благотворное влияние на возрождение театра, который изо дня в день превращается в забаву для праздных людей и все более и более отклоняется от своего истинного назначения. Убежден, что вы достигнете желаемого, ибо дело, которому вы служите, это дело самоотвержения, вдохновляемое служить народу, давшему нам все, что мы имеем».

Известный музыкант Henri Casadesus, основатель парижского «Société des instruments anciens», во время своих концертов в Москве в ноябре 1909 г.



АВТОГРАФ ПИСЬМА РОМЕН РОЛЛАНА К Л. Н. ТОЛСТОМУ ОТ 16 АПРЕЛЯ 1887 г.
Страницы первая — вторая и пятая — шестая
Всесоюзная библиотека им. Ленина, Москва

посетивший Толстого в Ясной Поляне, писал ему 26 декабря того же года: «Уважаемый учитель! Мы вернулись в Париж, и первым моим желанием было поблагодарить вас от лица моих товарищей и от себя за тот радушный прием, который вы оказали нам в Ясной Поляне. О вас же лично мы сохраним ничем неизгладимое впечатление... В настоящее время я работаю над книгой, которую в мыслях называю Livre d'or нашего общества. Она будет содержать наиболее ценные отзывы наших писателей и музыкантов, которых нам удалось заинтересовать. Ваш отзыв, учитель, был бы для нас неоценимым, так как мы подвергаемся многочисленным и непрекращающимся нападкам со стороны модернистов, которые не могут нам простить возрождения великих произведений прошлого. И потому я просил бы вас прислать мне несколько строк по поводу того впечатления, которое доставила вам наша музыка». 3 января 1910 г. Толстой отвечал на это письмо: «Исполняю только долг совести, свидетельствуя о том, что превосходное исполнение вами и вашими товарищами различных произведений старинных композиторов было для меня одним из самых больших музыкальных наслаждений, когда-либо мною испытанных. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить вас и ваших товарищей за чрезвычайную любезность, которую вы оказали, приехав к нам в деревню, чтобы доставить нам это большое удовольствие. Сердечно жму вашу руку. Лев Толстой»[40].

Eguines в письме от 17 мая 1901 г. пишет: «В настоящий момент я подготовляю к печати с одним из моих друзей, крупным писателем, работу о Жанне д'Арк... Я убежден, что великий апостол мира, друг справедливости, друг смиренных и слабых имеет свой особый и определенный взгляд на эту скромную девушку полей, эту «лилию долины», которая покинула жизнь полей и стала воевать, чтобы добиться мира».

Clotilde Roch в письме от 14 февраля 1905 г. сообщает: «Я — скромная женщина-скульптор, глубоко тронутая страданиями России. Я выполняю скульптурную группу, представляющую несчастную вдову мужика (veuve de moujick), убитого на войне, которая делит последний кусок хлеба между своими двумя маленькими детьми. Я прошу у вас, о великий Толстой, несколько строк на русском языке, которые понятнее передадут толпе мою мысль об ужасных последствиях войны».

Художник Robert Kastor, член Общества художников в Париже, в 1902 г. прислал Толстому его портрет своей работы, «нарисованный мною — как он пишет в сопроводительном письме—по одной из ваших фотографий. Этот портрет пером предназначается для альбома, в котором мною собраны портреты и автографы наших самых известных современников... Мне очень хотелось бы надеяться, что и вы займете в нем почетное место». На этом портрете Толстой сделал следующую надпись (на французском языке): «Цель нашего существования не в нем самом, она вне его. Наша жизнь— посланничество, которого мы можем знать обязанности, но никак не цель».

Известный французский ученый и литератор Paul Desjardins в письме от 6 сентября 1908 г. пишет: «В прошлом году я читал в школе сестер милосердия в Париже курс „Психология больного по наблюдениям Толстого". После лекции мои слушательницы говорили мне: „Это истинная правда; мы все это испытывали. Что же, у этого писателя полтораста лет опыта?". „Нет, но он великий поэт", отвечал я им. Если бы вы видели ваши книги, все испещренные замечаниями, которые я делал после каждой лекции! Так сталкивается с жизнью ваше творчество. И к этому я веду свое покло-

нение и благодарность: с несравненной силой вы указываете на божественное, скрывающееся в действительности. Вот в чем состоит для меня доброе дело ваших творений». В ответе на это письмо Толстой писал 9 ноября ст. ст.: «Очень благодарен вам за ваше доброе письмо, полное похвалы, которую не чувствую себя заслужившим». Неизвестная из Парижа в письме от 20 января 1908 г. писала: «Вы и подобные вам Вольтеры, Руссо и другие, вы вызываете революции и тем самым величайшие бедствия и преступления, которые творятся, якобы, на благо человечеству. Вы, как и все писатели и ораторы,—вреднейшие животные, которым нужен намордник и которые должны быть наказаны как преступники». На конверте письма помета рукой Толстого: «Руг[ательное] интер[есное]».

Письма второй категории заключают в себе запросы по поводу событий общественной и политической жизни.

Редакция «Le Journal» (14 февраля 1904 г.) просит высказаться о войне с Японией: «Учитель, разрешите от лица читателей „Le Journal" просить вас сообщить, что вы думаете об ужасной войне, возникшей между Россией и Японией, которая—увы!—поглотила уже столько жизней». Расстрел рабочих 9 января 1905 г. в Петербурге вызвал обращение к Толстому Henri Charriant от имени «Ассоциации секретарей редакций газет и журналов». «М. Г. и многоуважаемый учитель,—пишет H. Charriant 24 января 1905 г.,—ужасные события, происшедшие в Петербурге, убийство стольких рабочих, имевших самые мирные намерения, поведение Николая II, столь сурово расцениваемое во Франции, печальные последствия, которые может иметь эта страшная трагедия, дают мне смелость обратиться к вам с вопросом: что вы думаете по поводу всей этой тревожной ситуации? Каковы ее причины? Каковы будут ее последствия? Этот двойной вопрос мы ставим с душевным беспокойством, вполне естественным при нашей симпатии к русскому народу. Вы можете, в этих исключительных обстоятельствах, осветить перед нами истину, научить нас тому, как мы должны думать и действовать, ибо мы глубоко встревожены. Я буду особенно счастлив получить от вас письмо по вопросу, для нас неясному, о возможности революции в России. Я хотел бы это письмо напечатать одновременно во всех крупных газетах, как декларацию человека, которым мы так восхищаемся и которого считаем величайшим гением современности».

Роспуск Государственной думы вызывает новое обращение к Толстому со стороны Agence Fournier (от 27 июля 1906 г.): «Позвольте нашему агентству запросить драгоценное мнение великого философа, каким вы являетесь, по поводу совершающихся в России событий. Вся Франция будет счастлива узнать о чувствах, которые породил роспуск Думы и другие мероприятия монарха и правительства. Все умы заняты вопросом: как смотрит Толстой на ближайшее будущее России?».

Boyen d'Agen (19 августа 1902 г.) просит разъяснить, в каком положении социалистическое движение в России.

«Paris Journal» (28 апреля 1910 г.) запрашивает мнение Толстого о направлении современного художественного творчества: «Замечается перелом,—пишет газета.—Мы пережили символизм в поэзии, импрессионизм в живописи, вагнеризм в музыке, и теперь чуть не повсюду авторитетные голоса заявляют о возвращении французского духа к классическому идеалу».

Редакция «Echo de Paris» (1905 г.) прислала анкету с вопросами: «1) Считаете ли вы смертную казнь законным правом общества; 2) в каких слу-

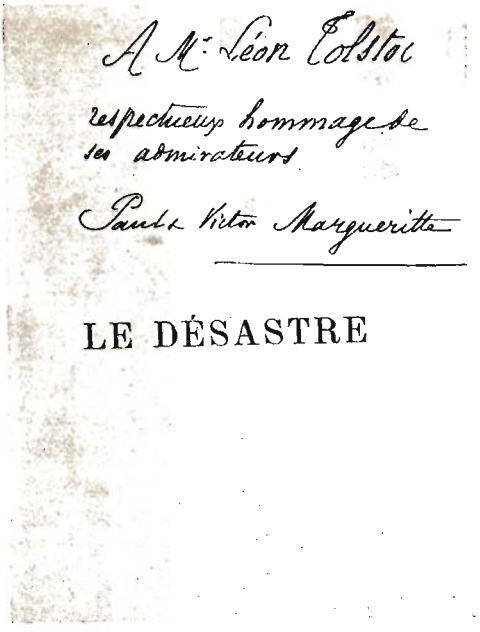
чаях она допустима; 3) если не признаете смертной казни, то не предпочитаете ли одиночное заключение».

Все эти и многочисленные другие письма-запросы и анкеты Толстой оставлял без ответа. По поводу последнего запроса в дневнике 27 августа 1905 г. он сделал ироническую запись: «Сегодня получил Questionnaire редактора «Echo» о смертной казни, почему она необходима и справедлива. И фамилия редактора—Sauvage [дикий]»[41].

Третью категорию составляют деловые письма, по своему содержанию распадающиеся на несколько групп: 1) письма научных, литературных и прочих обществ, избирающих Толстого в члены и приглашающих его принять участие в съездах, конгрессах и пр.; 2) письма из редакций газет и журналов, привлекающих Толстого к сотрудничеству; 3) письма в связи с переводами на французский язык его произведений и 4) письма от дирекций театров и театральных деятелей в связи с инсценировками и постановками в театрах его произведений.

Первая из указанных групп открывается приглашением Толстого принять участие в работах конгресса общества писателей («Société des gens de lettres»), относящимся к июню 1889 г. В 1890 г. (15 декабря) группа учащихся Безансона, организовавшая кружок в память Виктора Гюго, сообщает Толстому, «имя которого более всего популярно во Франции», об избрании его членом кружка. Социальный музей в лице одного из своих основателей Ш. Саломона сообщает Толстому об избрании его в члены и просит о сотрудничестве в специальном печатном органе музея. В 1896 г. (30 июля) мэр города Безансона сообщает Толстому, что, в связи с постановкой в городе памятника В. Гюго, организован комитет, в состав которого вошли многие ученые, писатели и художники. «Вы имеете,—пишет мэр,—все основания, чтобы фигурировать в этом комитете, будучи одновременно и мыслителем, и писателем, и апостолом, вдохновляемым любовью к человечеству». 7 августа того же года 2-й конгресс «Международного кооперативного союза» сообщает Толстому о включении его в члены комитета («Comité de patronage et de propagande»). На конверте этого письма имеется помета Толстого (в третьем лице): «Сочувствует конгрессу и рад, если его имя может ему способствовать». 24 марта 1897 г. A. Hamon, профессор Брюссельского университета, извещает Толстого об организации общества «L'Humanité Nouvelle», с журналом того же названия, и просит о сотрудничестве в журнале. В следующем, 1898 г., A. Hamon возобновляет свое предложение, принятое Толстым, пославшим для напечатания в журнале свою новую статью «Carthago delenda est». 19 января 1901 г. Huget сообщает Толстому, что молодежь Дижона организовала «Union Tolstoï» и избрала его своим почетным председателем. Huget от имени союза, имеющего «нравственные и филантропические цели», просит Толстого не отказать в совете и поддержке. 5 марта 1905 г. «Общество имени Ж.-Ж. Руссо» (в Женеве), ссылаясь на посредничество Ш. Саломона, высылает Толстому устав и некоторые публикации общества и просит Толстого вступить в его члены.

Вторую группу составляют письма из редакций газет и журналов о предложении сотрудничать. Raymond в письме от 8 января 1892 г. предлагает принять участие в организуемом им журнале «Le mouvement littéraire». Редакция «Revue des Revues» (4 марта 1892 г.), отмечая, что «французский народ с глубоким сочувствием относится к голоду в России», предлагает свою газету как трибуну для публикаций Толстого о сборе пожертвований.



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ПОЛЯ И ВИКТОРА МАРГЕРИТ НА КНИГЕ „LE DÉSASTRE", ПРИСЛАННОЙ Л. Н. ТОЛСТОМУ

Библиотека Толстого в Ясной Поляне

Редакция «Echo de Paris» (8 апреля 1892 г.) приглашает сотрудничать в сборнике, в котором согласились участвовать Золя, Додэ, Гонкур, Коппе и др. Редакция «La Revue de Famille» (23 августа 1892 г.) просит Толстого дать отзыв о последнем романе Золя. Bricon в письме от 12 марта 1894 г. сообщает, что «несколько французских писателей желают составить коллективную книгу о милосердии». Инициаторами являются Ф. Коппе, М. Прево и автор письма. «Поль Бурже присоединится непременно по возвращении из Америки; предполагаем, что Ж. Симон, Дидон, А. Дюма и, быть может, Вогюэ также примут участие... Книга о милосердии не может быть полной без ваших мыслей и вашего имени». Редакция «La Revue Blanche» (1 июня 1895 г.) запрашивает о печатании «Воскресения». Besnard в письме от 19 сентября 1896 г. просит принять участие в сборнике, посвященном памяти английского поэта Вилльяма Мориса. Редакция «La vie moderne» (10 марта 1898 г.) обращается с просьбой о сотрудничестве вообще, и по различным конкретным поводам обращаются к Толстому редакции следующих изданий: «L'Hirondelle de France» (1894 г.), «Le signal» (1895 г.), «L'Etranger» (1896 г.), «La vie moderne» (1898 г.), «La Revue de morale sociale» (1898 г.), «La Revue des Revues» (1900 г.), «L'Européen» (1901 г.), «La revue du bien dans la Vie et dans l'Arts» (1901 г.), «Vox» (1902 г.), «La Revue» (1903 г.), «Concordia» (1903 г.), «La Revue idéaliste» (1904 г.), «La Revue des Peuples» (1905 г.), «L'Auto» (1905 г.), «Le Mercure de France» (1907 г.), «La vie heureuse» (1907 г.) и др. В 1909 г. профессор Гюстав Броше, революционный пропагандист и друг Маркса, обратился к Толстому с письмом (от 7 октября), в котором просит прислать статью для сборников, издававшихся «Международным комитетом помощи безработным, учрежденным Международным социалистическим бюро». «Все, что выходит из под вашего пера, вызывает всеобщее восхищение,—писал Броше,—ваше имя повысит значение этих книг, доход с которых должен послужить для оказания помощи несчастным безработным». В ответе от 9 октября ст. ст. Толстой писал: «С удовольствием

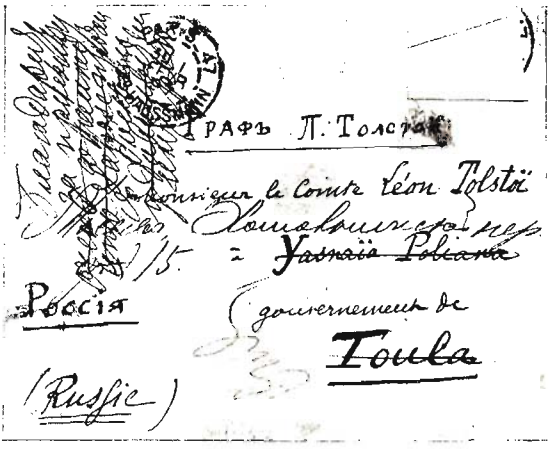
предназначаю для вашего сборника только что оконченную мною маленькую статью, которая по содержанию своему не может быть напечатана в России». Первоначально Толстой предполагал дать в сборнике Броше статью «Проезжий и крестьянин», но затем изменил свое намерение и направил другую статью—«Наше жизнепонимание», которая и была напечатана отдельной брошюрой.

Наряду с только что перечисленными сохранился ряд писем к Толстому по техническим вопросам печатания его произведений в различных органах французской периодической прессы.

В группе писем, касающихся вопроса переводов произведений Толстого на французский язык, следует, прежде всего, отметить обширную переписку Толстого с Шарлем Саломоном и Полем Буайе, которых он считал своими лучшими переводчиками. В письме к П. И. Бирюкову от 19 мая 1902 г. Толстой писал: «Если вы хотите иметь хороший перевод, то вам необходимо обратиться к хорошему знатоку русского и французского языка, каков Salomon, Boyer, Suberlick (кажется) и им подобные». Положительные отзывы Толстого имеются также о переводах на французский язык И. Д. Гальперина-Каминского (в письме к нему от 24 июня 1900 г.), Бьенштока (в письме к П. И. Бирюкову от 23 марта 1902 г.), Э. Пажеса и Ж. Легра. С Ш. Саломоном и П. Буайе Толстого связывало и многолетнее знакомство и личные дружеские отношения. Ш. Саломон являлся как бы представителем Толстого в Париже, выполняя различные литературные поручения Толстого по сношениям с издательствами и редакциями, по высылке тех или иных литературных материалов и пр. В то же время он держал Толстого в курсе парижской литературной и научной жизни, привлекая его к участию в периодическом органе «Musée sociale», посвященном изучению рабочего вопроса, являясь посредником между ним и различными французскими организациями и пр. Писем Ш. Саломона к Толстому сохранилось 39; ответные письма Толстого, в количестве 12, были опубликованы Ш. Саломоном в «Revue des études slaves» в 1931 г. Эта переписка, помимо деловой стороны, затрагивает ряд общих вопросов, а также личные и семейные отношения корреспондентов. Таким же характером отличается меньшая по объему переписка Толстого с Полем Буайе. К их помощи и содействию обращался Толстой в ответственные моменты своей литературной деятельности; через них он опубликовал в парижской прессе заявление об отказе от литературной собственности в 1894 г.; при их содействии было напечатано в «Journal des Débats» другое заявление, в котором Толстой снимал с себя ответственность за дурной перевод отрывков из трактата «Что такое искусство?», напечатанных в «La Revue Blanche» в 1898 г. (в переводе Tarridu del Marmol) и т. д. По поводу перевода и публикации некоторых сочинений Толстого 20 июня 1900 г. к нему обратился Элизе Реклю со следующим письмом из Брюсселя: «Дорогой и многоуважаемый Monsieur, друзья желали бы напечатать, в целях пропаганды, несколько отрывков из вашей книги „Воскресение“ («Résurrection») под тем же заголовком или другим, подобным ему: „Процесс в России“ («Procès en Russie»). Мы обращаемся к вам, прежде всего, с просьбой о вашем разрешении, а затем, если вы в нем не откажете, мы хотели бы знать, какой именно из русских переводов вы посоветовали бы взять, причем нам придется дополнить его вставками из английского издания, так как мы знаем, что, к сожалению, ни один из французских переводов не вполне точен, а мы, разумеется, стремимся как можно более приблизиться к вашему

тексту. В надежде, что вы удостоите нас ответом, шлем вам наш самый сердечный и почтительный привет. Элизе Реклю». Толстой отвечал письмом от 3 июля: «М. Г., я раз навсегда дал право на издание моих писаний всем, кто пожелал бы их издавать. Перевод Каминского[42], я полагаю, наиболее полный и точный. Мне приятно, что я могу быть вам полезным. Примите, М. Г., уверение в моем совершенном уважении. Лев Толстой».

Последнюю группу деловой переписки составляют письма по поводу инсценировок и постановок произведений Толстого во французских театрах. За разрешениями на инсценировку тех или иных его произведений к Толстому обращалось много лиц из литературного и театрального мира. Известный поэт Robert de Montesquiou, о произведениях которого Толстой отрицательно отзывался в трактате «Что такое искусство?», в письме к Толстому от 21 января 1895 г. сообщает, что в Париже, в театре Ренессанс, предполагается к постановке мистерия в 4 сценах, в стихах, представляющая собой переделку «прелестной новеллы» Толстого «Michaïl»[43], причем роль Michaïl будет играть «сама Сарра Бернар». Montesquiou, автор инсценировки, запрашивает, не имеет ли Толстой возражений против этой постановки. На конверте письма помета рукой Толстого: «Ответить, что очень рад». G. Fonville в письме от 13 февраля 1908 г. просит разрешения на инсценировку романа «Казаки» в виде лирической драмы. «Мы в восторге от ваших „Казаков", от их красочности, от непосредственности и искренности тех людей, которые в них изображаются. Мне кажется, что я нашел приемы для инсценировки этого сюжета»,—пишет он. На конверте помета рукою Толстого: «Отвечать». Однако, сведений об ответе не имеется. Oscar Dupré в письме от 7 марта 1907 г. просил разрешения на инсценировку «Крейцеровой сонаты» и, в случае согласия, просил сообщить об условиях. В ответе на этот запрос Толстой писал (1/14 июня): «М. Г., я давно отказался от авторских прав. Я даже думал, что их и не существует в отношении переводов с русского. Во всяком случае, можете располагать теми моими сочинениями, которые вам подходят. Лев Толстой». В тех же выражениях Толстой отвечал Audigier на его просьбу инсценировать «Воскресение» (1901 г.) и Lucien Mayorque—на инсценировку «Войны и мира» (1907 г.). В 1910 г. драматург Victor de Mondion обратился к Толстому со следующим письмом (от 15 января): «Знаменитый и высокочтимый учитель! Громадный успех ваших произведений в наших театрах заставил нас обратиться к тем из них, которые еще не были переработаны для сцены, в поисках сюжета для новой пьесы. В результате проделанной работы мы убедились, что ваш роман, озаглавленный „Иван Грозный" («Ivan le Terrible»), имеет все шансы, чтобы лишний раз восхитить и привести в восторг французскую публику». Далее излагается просьба на инсценировку романа. Почтенный драматург перепутал Льва Толстого с Алексеем К. Толстым и имеет в виду, повидимому, роман последнего «Князь Серебряный». Характерно, однако, что на конверте этого письма имеется помета рукой Толстого: «Ответить, что не разрешал и не запрещал переделывать моих сочинений в драму». Объяснить это недоразумение возможно, повидимому, тем, что Толстой, не прочитав письма целиком, бегло проглядел только его конец, что он делал обычно в отношении писем такого рода с комплиментарными вступлениями, а затем, не поинтересовавшись даже, о каком его произведении идет речь, сделал стереотипную помету.



СОБСТВЕННОРУЧНЫЙ НАБРОСОК ОТВЕТА Л. Н ТОЛСТОГО МАРСЕЛЮ ПРЕВО НА КОНВЕРТЕ ЕГО ПИСЬМА ОТ 1 ФЕВРАЛЯ 1897 г.

Всесоюзная библиотека им. Ленина, Москва

25 октября 1902 г. дирекция театра Одеон сообщила Толстому о постановке в этом театре «Воскресения», инсценированного в пятиактную драму А. Батайлем. 13 ноября та же дирекция известила Толстого о том, что инсценировка «Воскресения» имела большой успех на генеральной репетиции. 23 мая 1909 г. Y. Princet сообщает Толстому о большом успехе, который имела в Народном театре (Le Théâtre aux Champs) в Aulnay-Sous-Roi (Seine et Oise) его легенда «Зерно с куриное яйцо», инсценированная автором письма в сотрудничестве с Гальпериным-Каминским под заглавием «Graine merveilleux».

Четвертую категорию составляют письма, сопроводительные к посылке книг, брошюр и рукописей, в большинстве случаев направлявшихся Толстому непосредственно самими авторами. Два письма Ромен Роллана, относящиеся к этой категории, уже приводились выше. Из всего остального материала остановимся кратко на следующем.

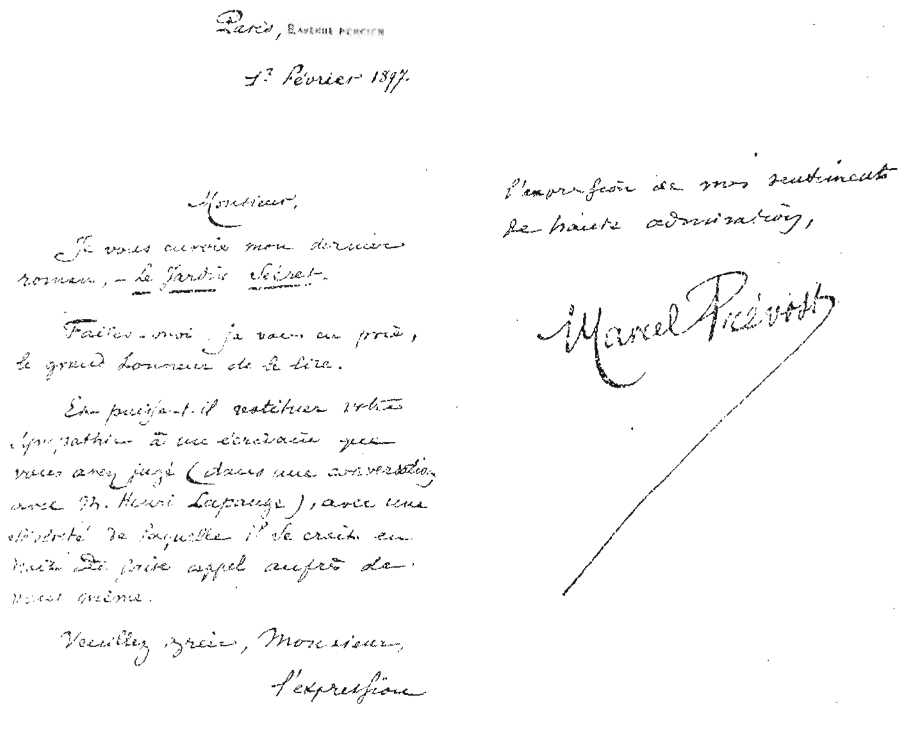
Марсель Прево в письме от 1 февраля 1897 г. писал: «М. Г., посылаю вам мой последний роман—„Le Jardin secret“. Прошу вас оказать мне большую честь прочитать его. Не может ли он возвратить вашу благосклонность писателю, которого вы (в беседе с г. Henri Lapause) осудили с такой суровостью, против которой он считает себя вправе апеллировать к вам же самому. Не откажите принять, М. Г., выражение чувства высочайшего восхищения. Марсель Прево».

На конверте письма помета рукой Толстого: «Благодарить за присылку ⟨очень сожалеет, что Lapose⟩ прочитал с большим ⟨удовольствием⟩ интересом». По поручению Толстого, ответ на письмо М. Прево был написан одной из его дочерей. Через три года, 27 июля 1900 г., М. Прево обратился к Толстому с новым письмом: «Учитель, одновременно с этим письмом посылаю вам два тома „Vierges fortes“, только что вышедшие из печати. Когда я посылал вам „Le Jardin secret“, я имел честь получить ответ от m-lle Толстой. На этот раз мне было бы бесконечно драгоценнее получить ответ от вас или, по крайней мере, продиктованный вами, точно выражающий ваши мысли. Не откажите мне в этом. Я писал „Frédérique“ и „Léa“ не заботясь об успехе, и действительно не предполагая, чтобы эти книги могли прийтись по вкусу рядовым читателям романов. Если они понравятся вам, если вы найдете, что они „от настоящего искусства“ в том смысле, в каком вы его определяете, это будет лучшим для меня вознаграждением за долгий труд. Не откажите, учитель, принять

выражение моего глубокого уважения. М. Прево». Об ответе Толстого на это письмо сведений не имеется.

О. Мирбо для русского перевода «Les affaires sont les affaires» написал посвящение Толстому, в котором дал высокую оценку его творчеству и указал его исключительное влияние на французскую литературу. Подлинник этого посвящения издатель Гольдберг прислал Толстому, который обратился к О. Мирбо с письмом, в котором, между прочим, писал (от 13 сентября 1903 г.): «Я думаю, что каждый народ употребляет различные приемы для выражения в искусстве общего идеала, и что, благодаря именно этому, мы испытываем особое наслаждение, вновь находя наш идеал выраженным новым и неожиданным образом. Французское искусство произвело на меня в свое время это самое впечатление открытия, когда я впервые прочел Альфреда де Виньи, Стендаля, Виктора Гюго и особенно Руссо. Думаю, что этому же чувству следует приписать чрезмерное значение, которое вы придаете писаньям Достоевского и, в особенности, моим. Во всяком случае благодарю вас за ваше письмо и посвящение. Для меня будет праздником прочесть вашу новую драму. Лев Толстой».

Романист Edouard Rod, пославший Толстому свою книгу «Le sens de la vie» через общего знакомого Emile Ragès без сопроводительного письма, получил от Толстого письмо от 22 февраля 1889 г., в котором Толстой писал: «Не зная автора даже по имени, я принялся ее перелистывать, но вскоре искренность и сила выражения, так же как и значительность самой темы, меня захватили, и я прочел и перечел книгу...». «Но, — пишет далее Толстой, — признаюсь чистосердечно, что заключение слабо...


Paris,

1er Février 1897.

Monsieur,

Je vous envoie mon dernier roman, — le Jardin Secret.

Faites-moi, je vous en prie, le grand honneur de le lire.

En puisse-t-il retenir votre sympathie à un écrivain que vous avez jugé (dans une conversation avec M. Henri Lapauze), avec une sévérité de laquelle il se croit en droit de faire appel auprès de vous même.

Veuillez agréer, Monsieur, l'expression de mes sentiments de haute admiration,

Marcel Prévost

АВТОГРАФ ПИСЬМА МАРСЕЛЯ ПРЕВО К Л. Н. ТОЛСТОМУ ОТ 1 ФЕВРАЛЯ 1897 г.

Всесоюзная библиотека им. Ленина, Москва

Заключение, на мой взгляд, попросту способ как-нибудь развязаться с вопросами, так смело и ясно поставленными в книге. Пессимизм, в особенности, например Шопенгауэра, всегда казался мне не только софизмом, но глупостью и вдобавок дурного тона. Пессимизм имеет бестактность портить удовольствие других выражением своей скуки, доказывая этим лишь то, что он просто не на уровне того круга, в котором находится. Мне всегда хочется сказать пессимисту: „Если мир не по тебе, не щеголяй своим неудовольствием, покинь его и не мешай другим". В сущности я обязан вашей книге одним из самых приятных чувств, которые я знаю,—а именно то, что я нашел себе неожиданного единомышленника, бодро идущего по тому пути, по которому я следую».

Поэт и публицист Paul Loyson при посылке своей драмы «L'Evangile du Sang» писал Толстому 2 марта 1900 г.: «Я — молодой человек, с давних пор питавшийся вашим могучим учением; в прошлом году в Риме я принимал даже участие в диспуте о моральной стороне ваших произведений. По мере возможностей, я стремлюсь увеличить ряды той армии мира, которой вы предводительствуете...». Далее, по поводу своей драмы, Loyson писал: «Заслужить ваше одобрение было бы в мои молодые годы величайшей честью». В 1903 г. Loyson послал Толстому оттиск своей статьи «L'Investiture de Tolstoï». Толстой благодарил его письмом от 16 января 1903 г., в котором, между прочим, писал, в связи с содержанием статьи Loyson: «Упреки, которые мне делают, рассматривая мои идеи с объективной точки зрения, т. е. со стороны их применимости к мирской жизни, подобны упрекам, которые сделали бы земледельцу, вспахавшему и засеявшему свое поле, чтобы питаться с него, за неосторожное отношение к росшим там кустарникам, траве и цветам. Упреки эти справедливы с точки зрения тех, кто любит зелень, цветы, но стоит только понять цель земледельца, чтобы убедиться, что он не мог поступить иначе».

Paul Maurice в письме от 1 марта 1900 г. пишет: «Мне известно, как вы высоко цените произведения Виктора Гюго и как любите „Les Misérables". Это дает мне смелость послать вам драму, представляющую собой переработку этого романа, выполненную мною с помощью Шарля Гюне». «Пользуясь случаем», P. Maurice «осмеливается» послать и свою собственную драму, предназначенную для Comédie Française. «В ней вы, быть может, найдете, если у вас будет время бросить на нее взгляд, некоторые дорогие вам идеи, и вы узнаете солдата, сражающегося в славной борьбе за истину и гуманность, которому необходимо получить поощрение от своего главнокомандующего».

L. Sarracane в письме от 6 августа 1895 г. писал Толстому: «Беру на себя смелость послать вам том моих рассказов, под заглавием „L'Adoration". Один из них, „Чудо сестры Симплиции", казалось мне, соприкасается с кругом ваших постоянных интересов—с миром общественной морали. Я буду очень счастлив и сочту за большую честь для себя, если этот рассказ своим содержанием или формой окажется достойным на мгновенье остановить на себе ваше внимание».

Толстой отвечал 26 августа:

«М. Г., я получил вашу книгу и прочел ее с интересом и удовольствием. Из рассказов всего больше понравилось мне не „Чудо сестры Симплиции" («Le miracle de sœur Simplice»), а „Миллиардерша". Вся книга очень хорошо написана, и я очень благодарен автору за то, что он обо мне вспомнил и прислал ее мне».

Наряду с известными в литературе и науке именами, к Толстому обращались новички, присылавшие первые свои публикации и рукописи. Michel Serentane, посылая Толстому свой первый роман «Pierre et Anna», пишет (24 ноября 1902 г.): «Если вы найдете роман хорошим, передайте мне об этом так или иначе. К вашему слову прислушиваются оба полушария. Положительный отзыв Толстого, автора „Воскресения", будет для меня драгоценнейшей поддержкой. Именем Иисуса прошу вас, учитель, скажите мне, является ли „Pierre et Anna" правдивым и жизненным произведением?». С такими мольбами о поддержке и совете к Толстому обращались многие из начинающих авторов.

Л. Н. ТОЛСТОЙ И ШАРЛЬ САЛОМОН (с газетой) СРЕДИ СЕМЬИ ТОЛСТЫХ И ИХ ГОСТЕЙ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ, 1899 г.

Толстовский музей, Москва

Пятую категорию составляют письма частного характера, которые, в свою очередь, могут быть подразделены на несколько групп: поздравительные, комплиментарные и биографические.

Поздравительные и комплиментарные письма написаны самыми разнообразными лицами. Они приурочены к юбилеям Толстого, к выходу в свет новых произведений, к его выздоровлению после продолжительной болезни в 1901—1902 гг., даже к его отлучению от церкви. «Позвольте поздравить вас с отлучением от церкви, ибо в таком случае вы находитесь на истинном пути,—пишет, например, бывший французский пастор F. Lev 22 марта 1901 г.,—я также должен был оставить религию, так как желал проповедывать истину». Известный общественный деятель Ж. Кларети пишет на своей визитной карточке в 1898 г.: «С почтительнейшей симпатией». На карточке помета Толстого: «Отв»[етить]. Ответного письма не сохранилось.

К биографическим письмам относятся, прежде всего, письма знакомых Толстому французов, например, некоторые из писем Ш. Саломона, П. Буайе,

Э. Пажеса, Ж. Легра и др. В письме Ж. Легра из Бордо от 1 декабря 1895 г. находим интересную подробность, неизвестную биографам Толстого. «В прошлом году,—пишет Ж. Легра,—вы поручили мне разыскать в Гренобле след г. Проспера Сен-Тома, вашего старого французского гувернера. Эти розыски были произведены по моей просьбе городским библиотекарем; они, к сожалению, не дали результатов. Уверены ли вы, что Сен-Тома действительно был родом из Гренобля?». Ж. Легра, посетивший Толстого в Москве в сентябре 1894 г., повидимому, получил от Толстого именно в это свидание устное поручение, так как никаких иных указаний на этот факт не имеется.

Большинство писем этой категории принадлежит, однако, неизвестным лично Толстому лицам, обращавшимся к нему с изложением своих душевных и семейных переживаний, с просьбой совета и поддержки. С некоторыми из этих корреспондентов (например, с молодым художником Ed. Sinet и врачом P. Fontaine) у Толстого завязывалась переписка, приводившая иногда к личному знакомству и добрым отношениям на протяжении многих лет. Другие, мелькнув на его горизонте, исчезали бесследно.

В просительных письмах, прежде всего, следует отметить те, в которых отдельные лица, а иногда и группы лиц обращались с просьбой к Толстому о высылке тех или иных его произведений. Mazén в письме от 11 мая 1901 г. писал: «Великий гражданин! Во Франции, в Оверни, в Clermont-Ferrand, образовалась группа из учащихся—социалистов и антиклерикалов. В качестве секретаря этой ассоциации обращаюсь от имени моих товарищей к великодушию знаменитых современников с целью основать, не производя затрат, нашу литературную библиотеку. Великий гражданин России, который затмевает всех писателей, которого весь мир желает читать и понимать, вы, я уверен, не откажете направить нам, если это окажется возможным, серию ваших произведений («Воскресение» и др.) во имя бескорыстной и благородной гордости от сознания, что ваше учение и теории будут поняты и оценены».

Писем, содержащих просьбы о материальной помощи, чрезвычайно мало (всего 4 письма).

Подавляющее большинство просительных писем заключает в себе просьбы о присылке автографа. Иногда эти просьбы излагаются прямо и откровенно, иногда украшаются лестью, иногда вуалируются при помощи различных предлогов. Эти письма Толстой обычно оставлял без ответа и лишь в редких случаях, тронутый мольбами, делал помету на конверте: «Послать какой-нибудь отрывок».

Рассмотренными категориями исчерпывается общая характеристика содержания французских писем к Толстому, сохранившихся в его архиве.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Маковицкий Душан Петрович (1866—1921)—домашний врач Л. Н. Толстого в последние годы его жизни, оставивший свои «Яснополянские записки», до настоящего времени лишь частично опубликованные.

[2] Толстой Л. Н., Воспоминания.

[3] Гусев Н. Н., Толстой в молодости. Труды Толстовского музея, М., 1927, стр. 39.

[4] Гольденвейзер А. Б., Вблизи Л. Н. Толстого, т. I, стр. 134.

[5] Boyer Paul, Chez Tolstoï. Trois jours à Yasnaia Poliana. — «Le Temps», 27—29 août 1901.

[6] «Записки» Д. П. Маковицкого, запись от 19 марта 1909 г. (рукопись).

[7] Там же, запись от 14 мая 1907 г.
[8] Лазурский В., Воспоминания о Л. Н. Толстом, М., 1911.
[9] Скайлер, Воспоминания о Л. Н. Толстом.—«Русская Старина», 1890, № 10.
[10] О влиянии Стендаля на Толстого см. статью Гроссмана Л. П., Стендаль и Толстой.—Стендаль, Собрание сочинений, М., 1928, IV, стр. 71—98.
[11] Скайлер, Воспоминания о Л. Н. Толстом.
[12] «Записки» Д. П. Маковицкого, запись от 15 августа 1909 г. (рукопись).
[13] Под именем «Оленьки» Толстой имеет в виду О. В. Арсеньеву. Двухактная комедия была им написана в 1857 г. под названием «Дядюшкино благословенье».
[14] Толстой Николай Николаевич (1823—1860)—старший брат Л. Н. Толстого.
[15] Бирюков П. И., Л. Н. Толстой. Биография, т. I, стр. 402.
[16] Бирюков П. И., там же, т. I, стр. 408.
[17] Покровский К., Источники романа «Война и мир», М., 1912, стр. 117.
[18] Бирюков П. И., Л. Н. Толстой. Биография, т. I, стр. 415—416.
[19] Сведения по яснополянской библиотеке даются по ее «Описанию», составленному В. Ф. Булгаковым и хранящемуся в Толстовском музее в Москве.
[20] Эртель Александр Иванович (1865—1908)—писатель.
[21] O'Meara, Napoleon in exile or a voice from St.-Helena, L., 1822.
[22] Критический анализ некоторых положений исторической концепции Местра, развитых Толстым, дает Albert Sorel в статье «Fatalisme et liberté».—«Nouveaux essais d'histoire et de critique», 1898, pp. 19—30. О заимствованиях Толстого из «Correspondance diplomatique» см. Эйхенбаум Б. М., Лев Толстой, кн. 2, стр. 309—317.
[23] E. Vogüé в своей статье «Les écrivains russes contemporains» отмечает влияние на «Войну и мир» «Отверженных» Гюго, «Пармского монастыря» Стендаля и романов Диккенса.—«Revue des Deux Mondes», 1884, 15 juillet, p. 272.
[24] Войтоловский Л., Очерк коллективной психологии, Гиз, 1927, стр. 41.
[25] Толстой Илья, Мои воспоминания, М., 1914, стр. 75.
[26] О пребывании Ньефа в Ясной Поляне см. Толстой Илья, там же, стр. 76.
[27] Гольденвейзер А. Б., Вблизи Л. Н. Толстого, т. II, стр. 138.
[28] См. Грот Н., Основные моменты в развитии новой философии, 1894, стр. 48.
[29] Страхов Николай Николаевич (1828—1896)—литературный критик.
[30] См. Грузинский А. Е., Источник рассказа Л. Н. Толстого «Где любовь, там и бог».—«Голос Минувшего», 1913, 3, стр. 52—63.
[31] Чертков Владимир Григорьевич (1854—1936)—литератор, друг Л. Н. Толстого.
[32] Роман П. Бурже «Ученик».
[33] Роман Г. де Мопассана «Сильна, как смерть».
[34] Л. Н. Толстой имеет в виду свою статью «Царство божие внутри нас».
[35] Л. Н. Толстой читал книгу G. Dubois-Desaulle «Camisards, Peaux de Lapins et Cocos. Corps disciplinaires de l'armée française», P., 1900.
[36] Гусев Н. Н., Два года с Толстым, М., 1928, стр. 104—105.
[37] Гольденвейзер А. Б., Вблизи Л. Н. Толстого, т. II, стр. 8.
[38] У Толстого были и другие любимые французские поговорки.
[39] Письмо Толстого к Ромен Роллану в русском переводе было впервые напечатано в «Неделе», 1888, № 46, стр. 1461—1465. Французский текст письма был впервые опубликован Ромен Ролланом в «Cahiers de la quinzaine», 22 fév. 1902. Письма Ромен Роллана к Толстому впервые публикуются в настоящей статье (отрывки были опубликованы Л. П. Гроссманом в его книге «Собеседник Толстого», стр. 18—20).
[40] В дневнике Толстого 1909 г. имеется еще одна запись о Казадезюсе.
[41] В обширной категории писем-запросов по поводу событий общественной жизни в архиве Толстого имеется группа писем, связанных с делом Дрейфуса.
[42] «Résurrection». Traduit du russe par E. Halperine-Kaminsky. Edition définitive, revue par l'auteur. Illustrations de L. Pasternak. P., Ernest Flammarion, éditeur.
[43] Имеется в виду рассказ Толстого «Чем люди живы».

Отв. редактор *П. И. Лебедев-Полянский* Зав. редакцией *И. С. Зильберштейн*
Зам. отв. редактора *М. Б. Храпченко*